

- [Брехт Бертольд](#)

-

Брехт Бертольд

Жизнь Галилея

Бертольд Брехт

Жизнь Галилея

Пьеса

В сотрудничестве с М. Штеффин

Перевод Л. Копелева

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Галилео Галилей.

Андреа Сарти.

Госпожа Сарти, экономка Галилея, мать Андреа.

Людовико Марсили, богатый молодой человек.

Приули, куратор университета в Падуе.

Сагредо, друг Галилея.

Вирджиния, дочь Галилея.

Федерцони, шлифовальщик линз, помощник Галилея.

Дож.

Советники.

Козимо Медичи, великий герцог Флоренции.

Маршал двора.

Теолог.

Философ.

Математик.

Пожилая придворная дама.

Молодая придворная дама.

Лакей великого герцога.

Две монахини.

Два солдата.

Старуха.

Толстый прелат.

Двое ученых.

Два монаха.

Два астронома.

Очень тощий монах.

Очень старый кардинал.
Патер Кристофер Клавиус, астроном.
Маленький монах
Кардинал-инквизитор.
Кардинал Барберини - он же затем папа Урбан VIII.
Кардинал Беллармин.
Два монаха, писцы.
Две молодые дамы.
Филиппо Муциус, ученый.
Гаффоне, ректор университета в Пизе.
Уличный певец и его жена,
Ванни, владелец литейной.
Чиновник.
Высокопоставленный чиновник.
Некий субъект.
Монах.
Крестьянин.
Пограничный страж.
Писец.
Мужчины, женщины, дети.

I

Галилео Галилей, учитель математики в Падуе, хочет доказать
правильность

нового учения Коперника о строении вселенной

В году тысяча шестьсот девятом

Свет истинного знания

Излился на людей,

Из города Падуи, из скромной хижины,

Исчислил Галилео Галилей,

Что движется Земля, а Солнце неподвижно.

Небогатая рабочая комната Галилея в Падуе. Утро. Мальчик
Андреа, сын

экономки, приносит Галилею стакан молока и булочку.

Галилей (умывается; обнажен до пояса, фыркает, весел). Поставь
молоко на стол, но не тронь там ни одной книги.

Андрея. Мать говорит, что нужно заплатить молочнику, а то он
скоро будет описывать круг вокруг нашего дома, господин Галилей.

Галилей. Нужно говорить: "описывать окружность", Андреа.

Андреа. Как вам угодно. Если мы не заплатим, он и опишет окружность вокруг нас, господин Галилей.

Галилей. А вот судебный исполнитель господин Камбионе идет прямо к нам и при этом избирает... какое он избирает расстояние между двумя точками?

Андреа (ухмыляясь). Кратчайшее.

Галилей. Хорошо! У меня есть кое-что для тебя. Погляди там, за звездными таблицами.

Андреа (вытаскивает из-за таблиц большую деревянную модель солнечной системы. Птолемея). Что это такое?

Галилей. Это астролябия - такая штука, которая изображает, как планеты и звезды движутся вокруг Земли. Так думали в старину.

Андреа. Что значит - так думали?

Галилей. Давай исследуем это. Прежде всего опиши, что видишь.

Андреа. Посередине находится маленький шар...

Галилей. Это Земля.

Андреа. А вокруг него, одно над другим, кольца.

Галилей. Сколько их?

Андреа. Восемь.

Галилей. Это кристаллические сферы.

Андреа. На этих кольцах приделаны шары.

Галилей. Это планеты и звезды.

Андреа. Тут полосы, а на них написаны слова.

Галилей. Какие слова?

Андреа. Названия звезд.

Галилей. Например?

Андреа. Самый нижний шар это Луна, тут так и написано. А над ним Солнце.

Галилей. А теперь двигай Солнце.

Андреа (вращает кольца). Красиво получается. Только вот... Мы так закупорены.

Галилей (вытираясь). Да, и я ощутил то же, когда впервые увидел эту штуку. Некоторые чувствуют это. (Бросает Андреа полотенце и подставляет спину, чтобы тот вытер.) Стены, и кольца, и неподвижность! Две тысячи лет кряду люди верили, что и Солнце и все небесные тела вращаются вокруг нашей Земли. Папа, кардиналы,

князя, ученые, капитаны, купцы, торговки рыбой и школьники верили, что неподвижно сидят в этом кристаллическом шаре. Но теперь мы выбираемся из него, Андреа. Потому что старые времена миновали и наступило новое время. Вот уже сто лет, как человечество все как будто ждет чего-то.

В городах тесно и в головах тесно. Есть суеверия, есть и чума. Но теперь говорят: есть, но не будет, не останется. Потому что все движется, друг мой.

Мне хочется думать, что началось все с кораблей. С незапамятных времен корабли все ползали вдоль побережий, но внезапно они покинули берега и вышли в открытое море. На нашем старом материке возник слух: где-то есть новые материки. И с тех пор как наши корабли добираются, до них, на всех материках, смеясь, говорят о том, что великий грозный океан - только Маленький водоем. Возникла великая задача, люди хотят понять причины всего, что есть на свете. Почему камень, если его выпустить из рук, падает, а если подбросить - подыметя вверх? Каждый день приносит что-нибудь новое. Даже столетние старцы требуют, чтобы юноши кричали им в уши о новых открытиях.

Многое уже открыто, но куда больше осталось такого, что еще можно открыть. Так что и для новых поколений найдется дело.

Еще юношей в Сиене я видел, как двое строителей изменили древний, тысячелетний способ передвижения гранитных глыб; после пятиминутного спора они договорились и стали применять новое, более целесообразное приспособление канатов. Там я понял тогда, что старые времена прошли, что наступает новое время. Скоро человечество полностью изучит свое жилище, ту планету, на которой оно обитает. Написанного в старых книгах уже недостаточно.

И там, где тысячи лет гнездилась вера, теперь гнездится сомнение. Все говорят: да, так написано в книгах, но дайте-ка нам самим поглядеть. С самыми почтенными истинами теперь обращаются запросто; сомневаются в том, в чем прежде никогда не сомневались.

И от этого возник такой сквозняк, что задирает даже расшитые золотом полы княжеских и прелатских одежд. И становятся видны их ноги, жирные или тощие, но такие же, как у нас. А небеса, оказывается, пусты. Поэтому раздается веселый хохот.

Но воды Земли двигают валы новых прядильных станов, на верфях, в канатных и парусных мастерских сотни рук работают по-новому в лад.

Я предвижу, что еще на нашем веку об астрономии будут говорить на рынках. Даже сыновья торговков рыбой будут ходить в школу. И жадным до всего нового людям наших городов придется по душе, что новая астрономия заставила двигаться также и Землю. До сих пор всегда были уверены в том, что небесные тела укреплены на кристаллическом своде и поэтому не падают. А теперь мы набрались смелости и позволяем им свободно парить в пространстве, ничто их не удерживает, и все они движутся по великим путям так же, как и наши корабли. Ничто их не удерживает в стремительном движении.

И Земля весело катится вокруг Солнца, и торговки рыбой, купцы, князья и кардиналы, и даже сам папа катятся вместе с ней.

Вселенная внезапно утратила свой центр и сразу же обрела бесчисленное множество центров. Так что теперь любая точка может считаться центром, любая и никакая. Потому что мир, оказывается, очень просторен.

Наши корабли заплывают далеко, далеко, наши планеты и созвездия движутся в беспредельном пространстве, даже в шахматах теперь ладьи могут двигаться в новом пространстве через все клетки. Как сказал поэт? "О рассвет великих начинаний..."

Андреа.

"О рассвет великих начинаний!

О дыханье ветра, что веет

Со вновь открытых берегов!"

Но пейте же молоко, ведь скоро опять придет кто-нибудь.

Галилей. А ты хорошо понял то, о чем я тебе говорил вчера?

Андреа. О чем же? Об этом, как его, Кипернике, у которого все вертится?

Галилей. Да.

Андреа. Нет, не понял. И как я могу понять? Это же очень трудно, а мне еще только в октябре будет одиннадцать.

Галилей. Вот я как раз хочу, чтобы и ты это понял. Чтобы все понимали. Поэтому я и работаю и покупаю дорогие книги, вместо того чтобы платить молочнику.

Андреа. Но я же сам вижу, что Солнце вечером здесь, а утром там. Как же оно может стоять на месте? Никак не может!

Галилей. Ты видишь? Что ты видишь? Ничего ты не видишь. Ты только глазеешь. А глазеть - не значит видеть. (Ставит железный умывальник посреди комнаты.) Это пусть будет Солнце. Садись.

Андреа садится на стул, Галилей становится за ним.

Где Солнце: справа или слева?

Андреа. Слева.

Галилей. А когда оно будет справа?

Андреа. Когда вы его перенесете направо, конечно же!

Галилей. Нет. Не только так. (Подымает Андреа вместе со стулом и поворачивает его на 180о.) Где теперь Солнце?

Андреа. Справа.

Галилей. А оно двигалось?

Андреа. Нет.

Галилей. А что же двигалось?

Андреа. Я двигался.

Галилей (орет). Чепуха! Дурень! Стул двигался!

Андреа. Но и я вместе со стулом!

Галилей. Разумеется. Стул - это Земля. А ты на ней.

Госпожа Сарти (вошла, чтобы застелить постель, и наблюдала все происходящее). Что это вы делаете с моиятазрнишкой, господин Галилей?

Галилей. Учю его видеть, дорогая Сарти.

Госпожа Сарти. Тем, что таскаете по комнате?

Андреа. Не мешай, мама, ты этого не понимаешь.

Госпожа Сарти. Вот как? А ты понимаешь, что ли? Тут приходил молодой человек, который хочет учиться. Очень хорошо одет и принес рекомендательное письмо. (Подает письмо.) Вы моего Андреа скоро до того обучите, что он станет говорить, будто дважды два - пять. Он же путает все, что вы ему рассказываете. Вчера вечером он доказывал мне, что Земля вертится вокруг Солнца. Он, видите ли, твердо убежден, что это вычислил какой-то господин по имени Киперникус.

Андреа. А разве Киперникус не высчитал этого, а, господин Галилей? Скажите вы сами.

Госпожа Сарти. Что такое? Так вы и вправду рассказываете ему такую чепуху? Чтобы он болтал об этом в школе, а господа

священники приходили ко мне жаловаться, что он плетет греховную ересь. Постыдились бы вы, господин Галилей.

Галилей (ест). На основе наших исследований, госпожа Сартти, и после жестоких споров мы с Андреа сделали открытие, которое больше не можем держать в тайне от мира. Настало новое время, великое время, одно удовольствие жить в такое время.

Госпожа Сартти. Да неужели! Надеюсь, господин Галилей, в это новое время мы сможем заплатить молочнику? (Показывает на письмо.) Очень прошу, сделайте мне хоть раз такую милость, не отказывайте в этот раз. Помните о том, что мы должны молочнику. (Уходит.)

Галилей (смеясь). Дайте мне хоть молоко допить! (Обращаясь к Андрею.) Значит, кое-что мы все-таки вчера поняли?

Андреа. Да я говорил, только чтобы ее удивить. Но это же неправильно. Стул, на котором я сидел, вы только боком повернули (показывает рукой), а не переворачивали. Вот так. Не то я упал бы, и это факт. Почему вы не переворачивали стул? Потому что тогда было бы доказано, что я свалился бы и с Земли тоже, если бы она вертелась. Вот видите как.

Галилей. Но ведь я же тебе доказал...

Андреа. А сегодня ночью я думал и понял, что если бы Земля так вертелась, то я всю ночь висел бы головой вниз. И это факт.

Галилей (берет со стола яблоко). Так вот это Земля.

Андреа. Не берите вы всегда такие примеры, господин Галилей. Так вам всегда удастся.

Галилей (кладет яблоко на место). Хорошо.

Андреа. С примерами всегда можно доказать, если хитер. Но ведь я же не могу таскать на стуле свою мать, как вы меня. Видите, какой это плохой пример. Ну а что, если яблоко - Земля? Это же ничего не значит.

Галилей (смеясь). Да ведь ты же не хочешь знать.

Андреа. Возьмите его опять. Как же это получается, что я ночью не вишу вниз головой?

Галилей. А вот так: вот это Земля, а вот стоишь ты (отламывает от полена щепку и втыкает ее в яблоко), и вот Земля вертится.

Андреа. А я вишу вниз головой.

Галилей. Почему же? Посмотри внимательней! Где голова?

Андреа (показывает на яблоко). Здесь. Внизу.

Галилей. Что? (Поворачивает яблоко в обратную сторону.) Разве она не на том же самом месте? Разве ноги твои по-прежнему не ниже головы? Разве, когда я поворачиваю, ты стоишь так? (Вынимает щепку и переворачивает ее.)

Андреа. Нет. Но почему же я не замечаю, как Земля повернулась?

Галилей. Потому что ты сам вращаешься вместе с ней! И ты, и воздух над тобой, и все, что есть на шаре.

Андрей. А почему же мы видим, что ходит Солнце?

Галилей (снова поворачивая яблоко с щепкой). Под собой ты видишь Землю, она не изменяется, она всегда внизу, и для тебя она не движется. А теперь погляди, что над тобой. Вот сейчас лампа над твоей головой. А сейчас, когда я повернул - что сейчас над твоей головой, что сейчас сверху?

Андреа (поворачивая голову вслед за его движениями). Печка.

Галилей. А где лампа?

Андреа. Внизу.

Галилей. Вот то-то оно и есть...

Андреа. Вот это здорово! Ну теперь уж она удивится.

Входит Людовико Марсили - богатый молодой человек.

Галилей. У нас тут как на проходном дворе.

Людовико. Доброе утро, сударь. Меня зовут Людовико Марсили.

Галилей (читает рекомендательное письмо). Вы бывали в Голландии?

Людовико. Да, и там я много слышал о вас.

Галилей. Ваши родители владеют поместьями в Кампанье?

Людовико. Мамаша хотела, чтобы я малость поглядел на свет. Что где имеется и тому подобное.

Галилей. И вот в Голландии вы слышали, что в Италии, например, имеюсь я.

Людовико. А так как мамаша желает, чтоб я еще и с науками малость познакомился...

Галилей. Частные уроки - десять скуди в месяц.

Людовико. Очень хорошо, сударь.

Галилей. А что вас интересует?

Людовико. Лошади.

Галилей. Ах вот что!

Людовико. У меня, видите ли, господин Галилей, голова не приспособлена к наукам.

Галилей. Ах вот что! Ну если так, вы будете платить пятнадцать скуди в месяц.

Людовико. Очень хорошо, господин Галилей.

Галилей. Мне придется заниматься с вами по утрам. Значит, с тобой уже не выйдет, Андреа. Сам пойми, ведь ты же не платишь.

Андреа. Ладно. Я пойду. Можно мне взять яблоко?

Галилей. Бери.

Андреа уходит.

Людовико. Вам придется запастись терпением, чтоб меня учить. Потому что в науках ведь всегда все не так, как следует по здравому человеческому разумению. Возьмите, например, эту диковинную трубу, которую продают в Амстердаме. Я ее подробно исследовал. Футляр из зеленой кожи и две линзы: одна такая (показывает жестами двоякую выпуклость), а другая - такая (показывает двоякую вогнутость). Мне говорят: одна увеличивает, а другая уменьшает. Каждый разумный человек, конечно, поймет: они друг дружку должны уравнивать. Неверно! Сквозь эту штуку все видно увеличенным в пять раз. Вот вам и ваша наука.

Галилей. Что увеличено в пять раз?

Людовико. Колокольни, голуби, все, что вдали.

Галилей. И вы сами видели увеличенные колокольни?

Людовико. Да, сударь.

Галилей. И в трубе две линзы? (Набрасывает на листе бумаги чертеж.) Так это выйдет?

Людовико кивает.

Как давно изобрели эту штуку?

Людовико. Думаю, что она была не старше нескольких дней, когда я уезжал из Голландии. Во всяком случае, ее как раз только что начали продавать.

Галилей (почти дружелюбно). И зачем вам нужна физика? Почему не коневодство?

Незамеченная Галилеем, входит госпожа Сарти.

Людовико. Мамаша считает, что немного науки необходимо. Нынче, знаете ли, никто и шагу без науки не сделает.

Галилей. Вы с тем же успехом могли бы заняться мертвыми языками или богословием. Это полегче будет. (Замечает госпожу Сартти.) Ладно, приходите во вторник утром.

Людовико уходит.

Не гляди на меня так. Я же взял этот урок.

Госпожа Сартти. Потому что вовремя заметили меня. Там пришел куратор университета.

Галилей. Веди его сюда, веди, он сейчас очень кстати. Может быть, через него я добуду пятьсот скуди, тогда не нужны будут уроки.

Госпожа Сартти уходит и вводит куратора.

(Тем временем, продолжая одеваться, в промежутках делая записи на клочках бумаги.) Доброе утро, одолжите мне полскуди.

Куратор достает из кошелька и протягивает Галилею монету, тот передает ее

госпоже Сартти.

Пошлите Андреа к мастеру, что делает очки. Пусть купит две линзы, вот тут записаны размеры.

Госпожа Сартти уходит с запиской.

Куратор. Я пришел по поводу вашего ходатайства о повышении вам жалованья до тысячи скуди. К сожалению, я не могу ходатайствовать об этом перед университетом. Вы ведь знаете, что математические коллегии ничего не приносят университету. Математика - это, так сказать, чистое искусство, не приносящее дохода. Не подумайте, что наша республика ее не ценит. Ценит, и притом даже весьма высоко. Математика не так необходима, как философия, и не так полезна, как богословие, но зато доставляет знатокам безмерное наслаждение.

Галилей (склонившись над бумагами). Я не могу жить на пятьсот скуди, любезнейший.

Куратор. Однако, господин Галилей, ведь вы преподаете всего два раза в неделю по два часа. Ваша исключительная известность несомненно доставит вам сколько угодно учеников, которые могут платить за уроки. Разве у вас нет платных учеников?

Галилей. Сударь, у меня их слишком много! Я учу и учу, а когда же мне самому учиться? Послушайте, вы, человек божий, ведь я не так хитроумен, как господа с философского факультета. Я глуп. Я ничего не понимаю. И поэтому вынужден латать прорехи в своих

знаниях. А когда же мне этим заниматься? Когда я могу исследовать? Сударь, моя наука еще очень любознательна! Вместо ответов на самые великие вопросы мы сегодня имеем только гипотезы, но мы требуем доказательств от самих себя. А как же мне продвигаться вперед, если только для того, чтобы поддерживать свое существование, я должен втолковывать каждому болвану, который может заплатить, что параллельные линии пересекаются в бесконечности?

Куратор. Не забывайте, однако, что если наша республика платит меньше, чем некоторые князья, зато она обеспечивает свободу исследований. У нас в Падуе мы допускаем в число слушателей даже протестантов! И удостоиваем их ученой степени доктора. Господина Кремонини мы не выдали инквизиции, хотя нам доказали - доказали, господин Галилей, - что он высказывает безбожные суждения; напротив, мы еще повысили ему жалованье. Даже в Голландии известно, что в Венецианской республике инквизиция не имеет никакого влияния. А это кое-что значит для вас, поскольку вы астроном и, следовательно, подвизаетесь в такой науке, в которой за последнее время учение церкви уже не почитается должным образом!

Галилей. Господина Джордано Бруно вы, однако, выдали Риму. За то, что он распространял учение Коперника.

Куратор. Не за то, что он распространял учение Коперника, которое, впрочем, ложно, а потому, что он не был венецианцем, да и не имел здесь должности. Поэтому вам незачем ссылаться на сожженного. Кстати, при всех наших свободах все же не рекомендуется произносить слишком громко имя того, кто проклят церковью. Даже здесь не следует, да, даже здесь.

Галилей. Ваша защита свободы мысли довольно выгодное дело, не правда ли? Крича о том, что в других краях инквизиция лютует и сжигает, вы зато вербуете по дешевке хороших преподавателей. Защищая их от инквизиции, вы вознаграждаете себя тем, что платите самое низкое жалованье.

Куратор. Несправедливо! Несправедливо! Что толку в том, что вам предоставляют неограниченное время для исследований, если невежественный монах - служитель инквизиции - может просто запретить ваши мысли? Нет роз без шипов, нет князей без монахов, господин Галилей!

Галилей. А какой толк в свободе исследований, если нет свободного времени для того, чтобы исследовать? Может быть, вы покажете господам городским советникам эти исследования о законах падения (показывает на связку рукописей) и спросите, не стоят ли они прибавки в несколько скуди!

Куратор. Они стоят бесконечно больше, господин Галилей.

Галилей. Нет, не бесконечно больше, а всего на пятьсот скуди больше, сударь.

Куратор. Деньгами оценивается лишь то, что приносит деньги. Если вам нужны деньги, вы должны предложить что-нибудь другое. За те знания, что вы продаете, можно требовать лишь столько, сколько они принесут дохода тому, кто их купит. Например, философия, которую господин Колombo продает во Флоренции, приносит князю по меньшей мере десять тысяч скуди в год. Ваши законы падения возбудили много шума. Вам рукоплещут в Париже и Праге. Но господа, которые рукоплещут, не оплачивают университету того, во что вы ему обходитесь. Вы не ту науку избрали, господин Галилей.

Галилей. Понимаю: свобода торговли, свобода исследований... и свободная торговля свободными исследованиями, не так ли?

Куратор. Однако, господин Галилей, что за странные мысли! Позвольте признаться, я не совсем понимаю ваши насмешливые замечания. Цветущая торговля республики, как мне представляется, никак не дает поводов для презрительных шуток. А будучи в течение многих лет куратором университета, я еще менее склонен говорить в таком, осмелюсь сказать, легкомысленном тоне о научных исследованиях.

Галилей тоскливо поглядывает на свой письменный стол.

Подумайте о том, что происходит вокруг вас. О биче рабства, под которым стонут науки в других краях! Из кожаных переплетов древних фолиантов там нарезаны бичи. Там не нужно знать то, как действительно падает камень, а только то, что написал об этом Аристотель. Там глаза служат только для чтения. К чему новые законы падения, если важны только законы коленапреклонения? И сопоставьте с этим ту бесконечную радость, с которой наша республика воспринимает ваши мысли, как бы смелы они ни были! Здесь вы можете исследовать! Здесь вы можете трудиться! Никто не следит за вами, никто не угнетает вас! Наши купцы хорошо знают, что значит

улучшение качества тканей в борьбе против флорентийской конкуренции, и они с интересом слушают ваш призыв "улучшить физику"! И ведь физика в свою очередь многим обязана требованию улучшить ткацкие станки. Самые именитые сограждане интересуются вашими исследованиями и навещают вас, знакомятся с вашими открытиями: люди, чье время очень дорого стоит. Не презирайте торговли, господин Галилей. Здесь никто не потерпел бы, чтобы вашей работе чинились хоть малейшие помехи, чтобы посторонние люди создавали вам трудности. Признайтесь, господин Галилей, здесь вы можете работать!

Галилей (с отчаянием). Да.

Куратор. А что касается материальных дел, то сделали бы вы опять что-нибудь хорошее. Ну вот что-нибудь вроде этого вашего замечательного пропорционального циркуля, посредством которого можно без всяких математических знаний (перечисляет, загибая пальцы) проводить любые линии, вычислять сложные проценты с капитала, воспроизводить планы земельных участков в уменьшенных или увеличенных масштабах и вычислять тяжесть пушечных ядер.

Галилей. Игрушка!

Куратор. Вы называете игрушкой то, что привело в восхищение, что поразило самых влиятельных господ, что принесло вам наличные деньги? Я слышал, что даже генерал Стефано Гритти может извлекать корни с помощью этого инструмента!

Галилей. Воистину чудо! Впрочем, знаете что, Приули, вы все же побудили меня задуматься. Кажется, я опять изобрету для вас нечто подобное. (Рассматривает листок с наброском.)

Куратор. Неужели? Вот это был бы выход. (Встает.) Господин Галилей, мы знаем, что вы великий человек. Великий, но, осмелюсь сказать, ничем не довольный.

Галилей. Да, я недоволен. Но именно за это недовольство вы и должны были бы мне приплачивать, если бы у вас был здравый смысл! Потому что я недоволен самим собой. Однако вместо этого вы стараетесь, чтобы я был недоволен вами. Признаюсь, господа венецианцы, мне бывает приятно показать вам, чего я стою, работая в вашем знаменитом арсенале, на ваших верфях и в артиллерийских мастерских. Но вы не оставляете мне времени для того, чтобы основательно продумать те плодотворные утверждения, которые

именно там выдвигает моя наука. Вы завязываете рот волю молотящему. Мне уже сорок шесть лет, а я ничего не сделал, что могло бы меня удовлетворить.

Куратор. В таком случае не смею вам больше мешать.

Галилей. Благодарю вас.

Куратор уходит. Галилей начинает работать. Через несколько минут вбегает

Андреа.

(Продолжая работать.) Почему ты не съел яблоко?

Андреа. А как бы я тогда показал ей, что Земля вертится?

Галилей. Вот что я хочу тебе сказать, Андреа. Не говори ты другим людям о наших мыслях.

Андреа. Почему нельзя говорить?

Галилей. Потому что власти это запрещают.

Андреа. Но ведь это же правда!

Галилей. Но тем не менее власти запрещают. Да притом тут еще кое-что есть. Мы, физики, все еще не можем доказать то, что считаем правильным. Даже учение великого Коперника еще не доказано. Оно пока еще только гипотеза. Давай-ка линзы.

Андреа. Полокуди не хватило. Я должен был оставить там свою куртку. В залог.

Галилей. Что же ты будешь делать зимой без куртки?

Пауза. Галилей располагает линзы на листе с чертежом.

Андреа. А что такое гипотеза?

Галилей. Это если что-нибудь считают вероятным, но не имеют фактов. Вот, например, Феличе там, у лавки корзищика, держит ребенка. Если сказать, что она кормит его грудью, а не сама берет у него молоко, то это будет гипотезой до тех пор, пока не подойдешь к ней, не увидишь сам и не сможешь доказать, что это так. А перед звездами мы словно мутноглазые черви, видящие лишь очень немного. Старые учения, которым верили тысячу лет, совсем разваливаются. В этих огромных строениях осталось меньше дерева, чем в тех подпорках, которыми их стараются поддержать. У них много законов, но они мало что объясняют, тогда как в новой гипотезе мало законов, но они объясняют многое.

Андреа. Так ведь вы же мне все доказали.

Галилей. Доказал только то, что это может быть так. Видишь ли ты, эта гипотеза прекрасна, и ничто ей не противоречит.

Андреа. Я тоже хочу стать физиком, господин Галилей.

Галилей. Верю тебе, потому что у нас, физиков, огромное множество еще не решенных вопросов. (Подходит к окну и смотрит через линзы, не проявляя особой заинтересованности.) Погляди-ка сюда, Андреа.

Андреа. Боже мой, как все приблизилось. Колокол на башне теперь совсем близко. Я даже могу прочесть медные буквы: "Грациа деи..." Благодарение богу.

Галилей. Это принесет нам пятьсот скуди.

II

Галилей передает Венецианской республике новое изобретение

Не все то гениально, что гением совершено;

Галилей любил вкусную пищу и хорошее вино.

Услышав правду, не хмурьте лоб;

Слушайте правду про телескоп.

Большой арсенал в гавани Венеции. Советники во главе с дожем. В стороне друг Галилея Сагрето и пятнадцатилетняя дочь Галилея Вирджиния, которая держит бархатную подушку с подзорной трубой длиной примерно в шестьдесят сантиметров, в ярко-красном кожаном футляре. На возвышении Галилей, за ним подставка для подзорной трубы, за которой присматривает шлифовальщик линз

Федерцони.

Галилей. Ваше превосходительство! Высокая Синьория! Будучи преподавателем математики вашего университета в Падуе, я всегда считал своей задачей не только исполнять мои почетные обязанности преподавателя, но еще и сверх того с помощью полезных изобретений доставлять чрезвычайные преимущества Республике Венеции. С глубокой радостью и всем надлежащим смирением я осмеливаюсь сегодня показать и преподнести вам совершенно новый прибор - мою зрительную трубу, или телескоп, - прибор, который изготовлен здесь, в вашем всемирно прославленном арсенале, на основе самых высоких научных и христианских принципов, являясь плодом семнадцатилетних терпеливых исследований вашего покорного слуги. (Спускается с возвышения и становится рядом с Сагрето.)

Аплодисменты.

(Раскланивается, к Сагрето, тихо.) Пустая трата времени.

Сагрето (тихо). Ты сможешь заплатить мяснику, старик.

Галилей. Да, им это принесет деньги. (Снова раскланивается.)

Куратор (подымается на возвышение). Ваше превосходительство! Высокая Синьория! Снова, в который раз, страница славы в великой книге искусств покрывается венецианскими письменами.

Вежливые аплодисменты,

Куратор. Ученый, пользующийся мировой славой, передает вам исключительное право на изготовление и продажу прибора, который, несомненно, встретит самый высокий спрос.

Аплодисменты усиливаются.

Надеюсь, вы заметили, что с помощью этого прибора во время войны мы сможем распознать число и вооружение вражеских кораблей за целых два часа до того, как они увидят нас. Так что мы сумеем, установив силы противника, заблаговременно решить - преследовать его, нападать или обращаться в бегство.

Бурные аплодисменты.

Итак, ваше высокопревосходительство, высокая Синьория, ныне господин Галилей просит вас принять этот изобретенный им прибор, это свидетельство его дарования, из рук его очаровательной дочери.

Музыка. Вирджиния выступает вперед, кланяется, передает трубу куратору, тот передает ее Федерцони. Федерцони устанавливает трубу на подставке,

наводит; дож и советники подымаются на возвышение, смотрят в трубу.

Галилей (тихо, к Сагрето). Не могу тебе обещать, что вытерплю эту комедию. Господа думают, что получают сейчас доходную игрушку, но это кое-что побольше, значительно больше. Этой ночью я ее направил на Луну.

Сагрето. Что же ты увидел?

Советник. Господин Галилей, я вижу укрепления Санта-Розита. Вон там, на лодке, сели обедать. Жареная рыба. Я чувствую аппетит.

Галилей. Пойми, астрономия остановилась на месте тысячу лет тому назад, потому что у нее не было подзорной трубы.

Советник. Господин Галилей!

Сагрето. К тебе обращаются.

Советник. В эту штуку слишком хорошо все видно. Я должен буду сказать моим дамам, что теперь им уже нельзя умываться на крыше.

Галилей. Она не светится, не излучает свет.

Сагредо. Что?

Галилей. Знаешь ли ты, из чего состоит Млечный путь?

Сагредо. Нет. Галилей. А я знаю.

Советник. За такую штуку можно запросить десять скуди, господин Галилей.

Галилей кланяется.

Вирджиния (подводит Людовико к отцу). Людовико хочет тебя поздравить, отец.

Людовико (смущенно). Поздравляю вас, сударь.

Галилей. Я ее усовершенствовал.

Людовико. Да, сударь. Я видел. Вы сделали футляр красным. В Голландии был зеленый.

Галилей (к Сагредо). Я даже спрашиваю себя, не смогу ли я с помощью этой штуки доказать некое учение.

Сагредо. Возьми себя в руки.

Куратор. Ну теперь вы имеете верных пятьсот скуди прибавки, Галилей.

Галилей (не обращает на него внимания, к Сагредо). Разумеется, я очень недоверчив к себе и остерегаюсь поспешных выводов.

Дожд, толстый застенчивый человек, подходит к Галилею и неуклюже пытается заговорить с ним.

Куратор. Господин Галилей, его высокопревосходительство дожд.

Дожд пожимает руку Галилею.

Галилей. Да, верно, пятьсот скуди. Вы удовлетворены, ваше высокопревосходительство?

Дожд. Увы, так уж повелось, что нашей республике нужен какой-нибудь повод для воздействия на отцов города, чтобы хоть что-нибудь перепало ученым.

Куратор. Но, с другой стороны, господин Галилей, ведь нужно иметь стимул.

Дожд (улыбаясь). Нам нужен повод.

Дождь и куратор подводят Галилея к советникам; они окружают его.

Вирджиния и Людовико медленно уходят.

Вирджиния. Ну как, я все правильно делала?

Людовико. По-моему, правильно.

Вирджиния. О чем ты думаешь?

Людовико. Да нет, ничего! Но зеленый футляр был бы, пожалуй, так же хорош.

Вирджиния. Мне кажется, что все очень довольны отцом.

Людовико. А мне кажется, что я начинаю кое-что понимать в науке.

III

10 января 1610 года. С помощью подзорной трубы Галилей открывает в небесном пространстве явления, которые подтверждают правильность системы Коперника. Друг предостерегает его от опасных последствий этих открытий, но Галилей

утверждает, что он верит в человеческий разум

Десятого января тысяча шестьсот десятого года

Галилей увидел, что нет небосвода.

Рабочая комната Галилея в Падуе. Галилей и Сагредо в теплых плащах у

телескопа.

Сагредо (смотрит в телескоп; вполголоса). Край зубчатый и шершавый. В темной части, вблизи светящегося края, светящиеся точки. Они выступают одна за другой. Свет растекается от них на все большие участки, и там он сливается с большой светящейся частью.

Галилей. Как ты объяснишь, что это за точки?

Сагредо. Этого не может быть.

Галилей. И все-таки есть. Это горы.

Сагредо. Горы на звезде?

Галилей. Огромные горы. Их вершины позолотило восходящее солнце, а вокруг на склонах еще ночь. Ты видишь, как свет, начиная с вершин, распространяется по долинам.

Сагредо. Но ведь это противоречит всему, что учит астрономия вот уже две тысячи лет.

Галилей. Именно так. Ты видишь то, чего не видел еще ни один человек, кроме меня. Ты второй.

Сагредо. Но Луна не может быть Землей с горами и долинами. Так же как Земля не может быть звездой.

Галилей. Нет, Луна может быть Землей с горами и долинами, и Земля может быть звездой. Это обычное небесное тело, одно из тысяч. Посмотри-ка еще раз. Кажется ли тебе затемненная часть Луны совсем темной?

Сагредо. Нет, теперь, когда я гляжу внимательно, я вижу там слабое, сероватое освещение.

Галилей. Откуда этот свет?

Сагредо. ?

Галилей. Он от Земли.

Сагредо. Но ведь это бессмыслица. Как может светиться Земля с ее морями, лесами и горами, ведь Земля - холодное тело.

Галилей. Так же, как светится Луна. Потому что обе эти звезды освещены Солнцем, поэтому они и светятся. Луна для нас то же, что и мы для нее. И она видит нас то серпом, то полукругом, то полностью диском, то вовсе не видит.

Сагредо. Итак, значит, нет различия между Луной и Землей?

Галилей. Очевидно, нет.

Сагредо. Еще не прошло и десяти лет с тех пор, как в Риме сожгли человека. Его звали Джордано Бруно. Он утверждал то же самое.

Галилей. Конечно. А мы видим это. Продолжай смотреть в трубу, Сагредо. То, что ты видишь, означает, что нет различий между небом и землей. Сегодня десятое января тысяча шестьсот десятого года. Сегодня человечество заносит в летописи: небо отменено.

Сагредо. Это ужасно!

Галилей. Я открыл еще кое-что. И, пожалуй, нечто еще более удивительное.

Госпожа Сартти (входит). Господин куратор.

Куратор вбегает.

Куратор. Простите, что так поздно. Я был бы вам весьма обязан, если бы мог побеседовать с вами наедине.

Галилей. Господин Сагредо может слушать все, что слушаю я, господин Приули.

Куратор. Но, может быть, вам все же будет неприятно, если этот господин услышит, что именно произошло. К сожалению, это нечто

совершенно, совершенно невероятное.

Галилей. Видите ли, господин Сагрето привык уже к тому, что там, где я, происходят невероятные вещи.

Куратор. А я боюсь, я боюсь. (Показывая на телескоп.) Вот она, диковинная штука. Можете ее выбросить. Все равно никакого толку от нее нет, абсолютно никакого.

Сагрето (беспокойно расхаживая по комнате). Почему?

Куратор. Знаете ли вы, что это ваше изобретение, которое вы назвали плодом семнадцатилетних изысканий, можно купить на любом перекрестке в Италии за несколько скуди? И притом изготовленное в Голландии. Именно сейчас в гавани выгружают с голландского корабля пятьсот подзорных труб!

Галилей. Да неужели?

Куратор. Я не понимаю вашего спокойствия, сударь.

Сагрето. А что, собственно, вас беспокоит? Вы лучше послушайте, как господин Галилей с помощью этого прибора за последние дни совершил величайшие открытия в мире звезд.

Галилей (смеясь). Можете поглядеть, Приули.

Куратор. Нет, с меня достаточно того открытия, которое сделал я, предоставив за эту чепуху господину Галилею удвоенное жалованье. А господа из Синьории так доверчиво полагали, что этот прибор обеспечит республике большие преимущества, потому что он якобы может быть изготовлен только здесь. Но ведь только по чистой случайности, заглядывая в него, они не заметили на ближайшем перекрестке семикратно увеличенного обыкновенного уличного торговца, который по дешевке продает точь-в-точь такие же трубы.

Галилей громко смеется.

Сагрето. Дорогой господин Приули, может быть, я неправильно сужу о ценности этого прибора в торговле, но его ценность для философии так неизмерима, что...

Куратор. Для философии? Какое отношение имеет господин Галилей к философии? Ведь он же математик. Господин Галилей, в свое время вы изобрели для города очень приличный водяной насос. И ваше оросительное устройство все еще действует. Ткачи хвалят вашу машину. Как мог я ждать, что произойдет такое?

Галилей. Не спешите, Приули. Морские путешествия все еще очень продолжительны, опасны и дорого стоят. Нам не хватает своего

рода точных часов на небе. Этакое путеводителя для навигации. Так вот у меня есть все основания считать, что с помощью этой подзорной трубы можно отчетливо наблюдать известные созвездия, которые совершают строго закономерные движения. Новые звездные карты могут сэкономить в мореплавании миллионы скуди, понимаете, Приули?

Куратор, Оставьте! Я уже достаточно вас слушал. В благодарность за мое дружелюбие вы сделали меня посмешищем всего города. Потомство будет помнить обо мне как о кураторе, который попался на ничего не стоящей подзорной трубе. У вас есть все основания смеяться. Вы получили свои пятьсот скуди. Но я могу вам сказать - и говорю это как честный человек, - мне опротивел этот мир. (Уходит, громко хлопнув дверью.)

Галилей. В гневе он даже симпатичен. Ты слышал: ему противен мир, в котором нет выгодных дел. Сагрето. А ты знал об этих голландских приборах?

Галилей. Разумеется, хотя только по слухам. Но для этих простаков в Синьории я создал вдвое лучший прибор. Как мне работать, если судебный исполнитель торчит в доме? И для Вирджинии скоро понадобится приданое. Она ведь не очень умна. К тому же я охотно покупаю книги, и не только по физике, и люблю прилично поесть. Хорошая пища возбуждает самые удачные мысли. Поганое, время! Мне платят меньше, чем возчику, который возит винные бочки. Четыре вязанки дров за две лекции по математике. Теперь я вырвал у них пятьсот скуди, но все еще не выплатил всех долгов, иные уже двадцатилетней давности. Мне бы выкроить пять лет, чтобы исследовать, и я бы доказал все! Пстой, я покажу тебе еще кое-что.

Сагрето (не решается подойти к телескопу). Послушай, Галилей, мне страшно.

Галилей. Я покажу тебе сейчас одну из молочно-белых блестящих туманностей Млечного пути. Ты знаешь, из чего она состоит?

Сагрето. Это звезды, бесчисленные звезды.

Галилей. Только в одном созвездии Ориона пятьсот неподвижных звезд. Все это многочисленные миры, и нет числа иным, еще более

далеким созвездиям, о которых говорил тот, сожженный. Он их не видел, но он их угадывал!

Сагредо. Но если даже наша Земля действительно только звезда, это все еще не доказывает утверждения Коперника, будто она вращается вокруг Солнца. В небе нет ни одной звезды, которая вращалась бы вокруг другой, а вокруг Земли все же вращается Луна.

Галилей. А я не уверен, Сагредо. С позавчерашнего дня я не уверен. Вот Юпитер. (Направляет телескоп.) Дело в том, что возле него находятся четыре звезды, которые видны только в трубу. Я заметил их в понедельник, но не обратил особенного внимания на их положение. Вчера я поглядел опять. Я готов присягнуть, что их положение изменилось. Тогда я приметил их. Но что это? Ведь было четыре звезды. (Очень взволнован.) Посмотри.

Сагредо. Я вижу только три.

Галилей. Где же четвертая звезда? Вот таблицы. Необходимо вычислить, как именно они могли переместиться.

Оба взволнованы, садятся за работу. На сцене темнеет, однако на круглом экране видны Юпитер и его спутники. Когда становится светло, они все еще

сидят, накинув зимние плащи.

Все доказано. Четвертая звезда могла только зайти за Юпитер, и поэтому она не видна. Вот тебе та звезда, вокруг которой кружатся другие звезды.

Сагредо. Но как же тогда кристаллическая сфера, к которой прикреплен Юпитер?

Галилей. Да, где же она, эта сфера? И как может быть прикреплен Юпитер, если вокруг него движутся другие звезды? Нет опоры в небесах, нет опоры во вселенной! Там находится еще одно Солнце!

Сагредо. Успокойся. Ты слишком торопишься с выводами.

Галилей. Как это - торопишься? Да взволнуйся же ты, человек. Ведь то, что ты видишь, еще не видал никто. Они были правы!

Сагредо. Кто? Последователи Коперника?

Галилей. И тот, сожженный! Весь мир был против них, но они были правы. Это нужно показать Андреа. (Вне себя бежит к двери и кричит.) Сарти, Сарти!

Сагредо. Галилей, ты должен успокоиться.

Галилей. Сагрето, ты должен взволноваться!

Сагрето (поворачивая телескоп). Ну чего ты орешь как сумасшедший?

Галилей. А ты? Чего ты стоишь как пень, когда открыта истина?

Сагрето. Я вовсе не стою как пень, я дрожу от страха, что это может оказаться истиной.

Галилей. Что ты говоришь?

Сагрето. Ты что же, совсем обезумел? Неужели ты не можешь понять, в какое дело ввязываешься, если все, что ты увидел, окажется правдой? И если ты будешь на всех рынках кричать о том, что наша Земля не центр вселенной, а простая звезда?

Галилей. Да-да, и что вся огромная вселенная со созвездиями вовсе не вертится вокруг нашей крохотной Земли, как это воображали раньше.

Сагрето. Значит, есть только созвездия? А где же тогда бог?

Галилей. Что ты имеешь в виду?

Сагрето. Бога! Где бог?

Галилей (гневно). Там его нет! Так же как его нет и здесь, на Земле, если там имеются существа, которые хотели бы его разыскивать у нас.

Сагрето. Так где же все-таки бог?

Галилей. Разве я богослов? Я математик.

Сагрето. Прежде всего ты человек. И я спрашиваю тебя, где же бог в твоей системе мироздания?

Галилей. В нас самих либо нигде.

Сагрето (кричит). Ведь так же говорил сожженный!

Галилей. Так же говорил сожженный.

Сагрето. За это он и был сожжен! Еще не прошло и десяти лет!

Галилей. Потому что он ничего не мог доказать. Потому что он только утверждал.

Сагрето. Галилей, я всегда считал тебя умным человеком. Семнадцать лет в Падуе и три года в Пизе ты терпеливо излагал сотням студентов систему Птолемея, которая соответствует писанию и утверждена церковью, основанной на писании. Ты считал ее неправильной, так же как Коперник, но ты излагал ее ученикам.

Галилей. Потому что я ничего не мог доказать.

Сагрето (недоверчиво). И ты считаешь, что теперь что-то изменилось?

Галилей. Все изменилось! Послушай, Сагрето! Я верю в человека и, следовательно, верю в его разум! Без этой веры у меня не было бы сил утром встать с постели.

Сагрето. Ну а теперь послушай, что я тебе скажу. Я не верю в это. Сорок лет, проведенные среди людей, научили меня; люди недоступны доводам разума. Покажи им красный хвост кометы, внуши им слепой ужас - и они побегут из домов, ломая себе ноги. Но сообщи им разумную истину, снова и снова докажи ее, и они попросту высмеют тебя.

Галилей. Это совершеннейшая неправда, это клевета. Не понимаю, как ты можешь любить науку, если думаешь так. Только мертвецов нельзя убедить доказательствами!

Сагрето. Как ты можешь смешивать их жалкую хитрость с разумом!

Галилей. Я не говорю о хитрости. Я знаю, что они называют осла конем, когда продают его, а коня - ослом, когда покупают. В этом их хитрость. Но старуха, которая, готовясь в путь, накануне жесткой рукой подкладывает мулу лишнюю вязанку сена, корабельщик, который, закупая припасы, думает о бурях и штилях, ребенок, который натягивает шапку, когда ему докажут, что возможен дождь, - на них на всех действуют доказательства. И на "их на всех я надеюсь. Да, я верю в кроткую власть разума, управляющего людьми. Они не могут подолгу противостоять этой власти. Ни один человек не может долго наблюдать (поднимает руку и роняет на пол камень), как я роняю камень и при этом говорю: он не падает. На это не способен ни один человек. Соблазн, который исходит от доказательства, слишком велик. Ему поддается большинство, а со временем поддадутся все. Мыслить - это одно из величайших наслаждений человеческого рода.

Госпожа Сарти (входя). Вы меня звали, господин Галилей?

Галилей (опять подошел к телескопу, что-то записывает, очень приветливо). Да, мне нужен Андреа.

Госпожа Сарти. Андреа? Он в постели, он спит.

Галилей. Не могли бы вы его разбудить?

Госпожа Сарти. А зачем это он вам нужен?

Галилей. Я хочу показать ему кое-что, что его порадует. Он должен увидеть то, что, кроме нас, еще никто не видел с тех пор, как существует Земля.

Госпожа Сартти. Значит, опять газеть в вашу трубу?

Галилей. Да, в мою трубу, Сартти.

Госпожа Сартти. И ради этого я должна его будить среди ночи? Да вы в своем уме? Ему нужно спать по ночам. И не подумаю его будить.

Галилей. Ни в коем случае?

Госпожа Сартти. Ни в коем случае.

Галилей. Тогда, Сартти, может быть, вы мне поможете? Видите ли, возник вопрос, о котором мы никак не можем договориться, - вероятно, потому что прочитали слишком много книг. А речь идет о небе, о созвездиях. Спрашивается, как предполагать, что вокруг чего вращается: большое вокруг малого или малое вокруг большого?

Госпожа Сартти (недоверчиво). Вас нелегко понять, господин Галилей. Вы серьезно спрашиваете или опять собираетесь дурачить меня?

Галилей. Это серьезный вопрос.

Госпожа Сартти. Тогда я могу вам быстро ответить. Кто подает обед: я вам или вы мне?

Галилей. Вы подаете мне. Вчера он был пригоревшим.

Госпожа Сартти. А почему он был пригоревшим? Потому что я должна была принести вам башмаки как раз тогда, когда все поспевало. Ведь я приносила вам башмаки?

Галилей. По-видимому.

Госпожа Сартти. А все потому, что вы ученый и вы мне платите.

Галилей. Понятно, понятно. Это нетрудно понять. Спокойной ночи, Сартти.

Госпожа Сартти уходит смеясь.

И такие люди не поймут истины? Да они схватятся за нее.

Зазвонил колокол к утренней мессе. Входит Вирджиния в плаще, с фонарем.

Вирджиния. Доброе утро, отец!

Галилей. Почему ты так рано встала?

Вирджиния. Мы пойдем с госпожой Сартти к утренней мессе. Людовико тоже придет туда. Как прошла ночь, отец?

Галилей. Ночь была светлой.

Вирджиния. Можно, я погляжу?

Галилей. Зачем?

Вирджиния не знает, что ответить.

Это не игрушка.

Вирджиния. Нет, отец.

Галилей. А к тому же эта труба - сплошное разочарование, и ты вскоре услышишь об этом повсюду. Ее продают на улице за три скуди, и ее еще раньше изобрели в Голландии.

Вирджиния. А ты ничего не увидел нового на небе через эту трубу?

Галилей. Ничего такого, что б тебе понравилось. Только несколько маленьких тусклых пятнышек слева от большой звезды. Придется как-то обратить на них внимание. (Обращаясь к Сагредо, а не к дочери.) Пожалуй, назову их звездами Медичи в честь великого герцога Флоренции. (Опять обращается к дочери.) Вот что будет тебе занятно, Вирджиния: возможно, мы переедем во Флоренцию. Я написал туда, не захочет ли великий герцог использовать меня как придворного математика.

Вирджиния (сияет). При дворе?

Сагредо. Галилей!

Галилей. Дорогой мой, мне необходимо время для исследований. Мне необходимы доказательства. И мне нужны горшки с мясом. А в такой должности мне уже не придется на частных уроках втолковывать систему Птолемея. Нет, у меня будет достаточно времени - время, время, время, чтобы разрабатывать мои доказательства, потому что всего, что у меня есть сейчас, еще мало. Это еще ничто, жалкие крохи! С этим я еще не могу выступать перед всем миром. Еще нет ни единого доказательства того, что хотя бы одно небесное тело вращается вокруг Солнца. Но я найду доказательства, убедительные для всех, начиная от Сарты и кончая самим папой. У меня теперь одна лишь забота - чтобы меня приняли ко двору.

Вирджиния. Конечно же, тебя примут, отец, с этими новыми звездами и со всем прочим.

Галилей. Ступай в церковь.

Вирджиния уходит.

Сагрето (читает вслух конец письма, которое ему протянул Галилей). "Ни к чему я не стремлюсь так сильно, как к тому, чтобы быть ближе к вам, восходящему солнцу, которое озарит нашу эпоху". Великому герцогу Флоренции сейчас девять лет от роду.

Галилей. Правильно! Ты находишь мое письмо слишком раболепным? А я все сомневаюсь, достаточно ли оно раболепно, не слишком ли официально; не покажется ли, что я недостаточно унижаюсь? Сдержанное письмо мог бы написать тот, кто имеет заслуги в доказывании правоты Аристотеля, но не я. А такой человек, как я, может добраться до более или менее достойного положения только ползком, на брюхе. Ты ведь знаешь, я презираю людей, чьи мозги неспособны наполнить им желудки.

Госпожа Сарти и Вирджиния идут в церковь, проходят мимо Галилея и Сагрето.

Сагрето. Не надо уезжать во Флоренцию, Галилей.

Галилей. Почему не надо?

Сагрето. Потому что там хозяйничают монахи.

Галилей. При флорентийском дворе есть именитые ученые.

Сагрето. Лизоблюды!

Галилей. Я возьму их за загривки и поволоку к трубе. Ведь и монахи люди, Сагрето. И они подвластны соблазну доказательств. Не забывай, что Коперник требовал, чтобы они верили его вычислениям, а я требую только, чтобы они верили своим глазам. Если истина слишком слаба, чтобы обороняться, она должна переходить в наступление. Я возьму их за загривки и заставлю смотреть в эту трубу.

Сагрето. Галилей, ты вступаешь на ужасный путь. Злосчастен тот день, когда человек открывает истину, он ослеплен в тот миг, когда уверует в разум человеческого рода. О ком говорят, что он идет с открытыми глазами? О том, кто идет на гибель. Как могут власть имущие оставлять на свободе владеющего истиной, хотя бы это была истина только о самых отдаленных созвездиях? Неужели ты думаешь, что папа будет слушать тебя и признавать, что ты прав, когда ты скажешь ему, что он заблуждается и сам этого не знает. Неужели ты думаешь, что он просто запишет в свой дневник: десятого января тысяча шестьсот десятого года отменено небо? Неужели ты захочешь покинуть республику с истиной в кармане и с твоей трубой в руке, направляясь прямо в капканы князей и монахов? Ты так недоверчив в

своей науке и так по-детски легковерен ко всему, что якобы может облегчить твои научные занятия. Ты не веришь Аристотелю, но веришь великому герцогу Флоренции. Только что я смотрел на тебя, ты стоял у своей трубы и наблюдал эти новые звезды, и мне почудилось, что я вижу тебя на костре, и, когда ты сказал, что веришь в силу доказательства, я почувствовал запах горелого мяса. Я люблю науку, но еще больше люблю тебя, мой друг. Не уезжай во Флоренцию, Галилей! Галилей. Если они меня примут, я поеду.

На занавесе появляется последняя страница письма:

"Нарицая новые звезды, открытые мною, величавым именем рода Медичи, я сознаю, что если прежде возвышение в звездный мир служило прославлению богов и героев, то в настоящем случае, наоборот, величавое имя Медичи обеспечит бессмертную память об этих звездах. Я же осмеливаюсь напомнить Вам о себе как об одном из числа Ваших самых верных и преданных слуг, который считает для себя величайшей честью то, что он родился Вашим подданным. Ни к чему я не стремлюсь так сильно, как к тому, чтобы быть ближе к Вам, восходящему солнцу, которое озарит нашу эпоху.

Галилео Галилей".

IV

Галилей сменил Венецианскую республику на флорентийский дворец. Открытия, сделанные с помощью телескопа, наталкиваются на недоверие придворных ученых

Старье говорит: я есмь и буду,

Каким было веков испокон.

Новое говорит: но если ты худо,

Изволь убираться вон.

Дом Галилея во Флоренции. Госпожа Сарти в кабинете Галилея готовит прием гостей. Тут же сидит ее сын Андреа, разбирая и складывая астрономические карты.

Госпожа Сарти. С тех пор как мы благополучно оказались в этой хваленной Флоренции, только и дела что спину гнуть в поклонах. Весь город проходит у этой трубы, а мне потом пол вытирать. И все равно ничего не поможет. Если бы там что-нибудь было, в этих открытиях, так уж духовные господа знали бы это раньше. Четыре года я прослужила у монсиньора Филиппо и никогда не могла стереть всей

пыли в его библиотеке. Кожаные книжищи до самого потолка, и не стишки какие-нибудь! А у бедняги монсиньора у самого было фунта два мозолей на задку от постоянного сидения над науками. И чтоб уж такой человек не знал что к чему. И сегодняшней большой осмотр, конечно, будет конфузом, так что я завтра опять не посмею плянуть в глаза молочнику. Я-то уж знала, что говорю, когда советовала ему сперва покормить господ хорошим ужином, дать им по доброму куску тушеной баранины, прежде чем они подойдут к его трубе. Так нет же. (Передразнивая Галилея.) "У меня для них приготовлено кое-что другое".

Внизу стучат.

(Смотрит в зеркальце за окном, так называемый "шпион".) Боже мой, ведь это уже великий герцог. А Галилей еще в университете.

Бежит вниз и впускает великого герцога Флоренции Козимо Медичи, маршала

двора и двух придворных дам.

Козимо. Я хочу увидеть трубу.

Маршал двора. Может быть, ваше высочество соблаговолит подождать, пока придут господин Галилей и другие господа из университета. (Оборачиваясь к госпоже Сарти.) Господин Галилей хотел, чтобы астрономы проверили открытые им звезды, названные им звездами Медичи.

Козимо. Но они ведь вовсе не верят в трубу. Где она?

Госпожа Сарти. Там, наверху, в рабочей комнате.

Мальчик кивает, показывая на лестницу, и после ответного кивка госпожи

Сарти взбегает наверх.

Маршал двора (дряхлый старик). Ваше высочество! (Госпоже Сарти.) Нужно обязательно туда подыматься? Я ведь пришел только потому, что заболел воспитатель.

Госпожа Сарти. С молодым господином ничего не приключится. Там наверху мой сын.

Козимо (наверху, входя). Добрый вечер.

Мальчики церемонно раскланиваются. Пауза. Затем Андреа вновь возвращается к своей работе.

Андреа (тоном своего учителя). Здесь у нас прямо как в проходном дворе.

Козимо. Много посетителей?

Андреа. Ходят, толкуются, глазеют и не понимают ни шиша.

Козимо. Понятно. Это она? (Показывает на трубу.)

Андреа. Да, это она. Но только здесь руки прочь!

Козимо. А это что такое? (Показывает на деревянную модель системы Птолемея.)

Андреа. Это птолемеяевская.

Козимо. Тут показано, как вертится Солнце?

Андреа. Да, так говорят.

Козимо (садится, кладет модель на колени). Мой учитель простудился, потому я смог уйти пораньше. Здесь хорошо.

Андреа (беспокоен, ходит взад-вперед, волоча ноги, недоверчиво оглядывая чужака, наконец, не в силах удержаться от соблазна, достает из-за карт вторую деревянную модель - модель системы Коперника). Но в действительности-то, конечно, все выйдет так.

Козимо. Что значит - так?

Андреа (показывая на модель, которую держит Козимо). Думают, что устроено все так, а по-настоящему (показывая на свою модель) оно так. Земля вертится вокруг Солнца. Понимаете?

Козимо. Ты вправду так думаешь?

Андреа. Еще бы! Это доказано.

Козимо. Правда?.. Хотел бы я знать, почему они меня вообще не пускают к старику. Вчера он еще был за ужином.

Андреа. Вы, кажется, не верите, а?

Козимо. Напротив, конечно, верю.

Андреа (внезапно показывая на модель, которую держит Козимо). Отдай-ка. Ты ведь даже этого не понимаешь.

Козимо. Зачем тебе сразу две?

Андреа. Отдавай! Это не игрушка для мальчишек.

Козимо. Я готов тебе отдать, но ты должен быть повежливее, вот что.

Андреа. Ты дурак! "Повежливее"! Еще чего, ишь ты. Давай живо, не то влетит.

Козимо. Руки прочь, слышишь!

Они начинают драться, схватываются, катаются по полу.

Андреа. Я тебе покажу, как обращаться с моделью. Сдавайся!

Козимо. Вот теперь она сломалась. Ты вывернешь мне руку.

Андреа. А вот мы увидим, кто прав, кто неправ. Говори, что она вертится, а не то нащелкаю по лбу.

Козимо. Никогда! Ах ты, рыжий! Вот я тебя научу вежливости.

Андреа. Кто рыжий? Я рыжий?

Они молча продолжают драться. Внизу входят Галилей и несколько профессоров

университета; за ними Федерцони.

Маршал двора. Господа! Легкое недомогание воспрепятствовало воспитателю его высочества господину Сури сопровождать его высочество.

Теолог. Надеюсь, ничего опасного?

Маршал двора. Нисколько.

Галилей (разочарованно). Значит, его высочества не будет?

Маршал двора. Его высочество наверху. Прошу господ не медлить. Двор так жаждет поскорее узнать мнение просвещенного университета о необычайном приборе господина Галилея и чудесных новых созвездиях.

Они подымаются наверх. Мальчики, лежа на полу, притихли. Они услышали

движение внизу.

Козимо. Они уже здесь. Пусти меня.

Профессора (поднимаясь по лестнице). Нет-нет, все в полном порядке.

- Медицинский факультет считает, что эти заболевания в старом городе нельзя считать чумой. Это исключено. Миазмы должны замерзать при такой температуре, как сейчас.

- Самое худшее в таких случаях паника.

- Не что иное, как обычные для этого времени года простуды.

- Всякое подозрение исключено.

- Все в полном порядке. (Приветствует герцога.)

Галилей. Ваше высочество, я счастлив, что мне позволено в вашем присутствии познакомить этих господ с некоторыми новинками.

Козимо церемонно раскланивается со всеми, в том числе и с Андреа.

Теолог (увидев на полу сломанную модель системы Птолемея).
Здесь, кажется, что-то сломалось.

Козимо быстро наклоняется и вежливо передает модель Андреа.
Тем

временем Галилей незаметно убирает вторую модель.

Галилей (стоя у телескопа). Как вашему высочеству несомненно известно, мы, астрономы, за последнее время столкнулись с большими трудностями в наших расчетах. Мы используем для них очень старую систему, которая хотя и соответствует философским воззрениям, но, к сожалению, видимо, не соответствует фактам. Согласно этой старой системе - системе Птолемея предполагается, что движения звезд очень сложны. Так, например, планета Венера движется якобы так. (Рисует на доске эпициклический путь Венеры в соответствии с гипотезой Птолемея.) Однако, принимая за действительность такие затруднительные движения, мы оказываемся не в состоянии рассчитать заранее положение небесных тел. Мы их не находим там, где им следовало бы быть по нашим вычислениям. А к тому же еще имеются и такие движения звезд и планет, которые вообще невозможно объяснить по системе Птолемея. Именно такие движения осуществляют вокруг планеты Юпитер те новые маленькие звезды, которые я обнаружил. Угодно ли будет господам начать с наблюдений над спутниками Юпитера - звездами Медичи?

Андреа (указывая на табурет перед телескопом). Пожалуйста, садитесь вот сюда.

Философ. Благодарю, дитя мое! Я опасаясь, однако, что все это не так просто. Господин Галилей, прежде чем мы используем вашу знаменитую трубу, мы просили бы вас доставить нам удовольствие провести диспут. Тема: могут ли существовать такие планеты?

Математик. Вот именно, диспут по всей форме.

Галилей. Я полагаю, вы просто поглядите в трубу и убедитесь.

Андреа. Садитесь, пожалуйста, сюда.

Математик. Разумеется, разумеется. Вам, конечно, известно, что, согласно воззрениям древних, невозможно существование таких звезд, кои кружились бы вокруг какого-либо иного центра, кроме Земли, и так же невозможны звезды, кои не имели бы на небе твердой опоры?

Галилей. Да.

Философ. Независимо от вопроса о возможности существования таких звезд, которую господин математик (кланяется математику), видимо, полагает сомнительной, я хотел бы со всею скромностью задать другой вопрос в качестве философа: нужны ли такие звезды? *Aristotelis divini universum...* {Вселенная божественного Аристотеля (лат.)}.

Галилей. Не лучше ли нам продолжать на обиходном языке? Мой коллега, господин Федерцони, не знает латыни.

Философ. Так ли это важно, чтобы он понимал нас?

Галилей. Да.

Философ. Простите, но я полагал - он у вас шлифует линзы.

Андреа. Господин Федерцони шлифовальщик линз и ученый.

Философ. Благодарю, дитя мое. Если господин Федерцони настаивает на этом...

Галилей. Я настаиваю на этом.

Философ. Что ж, аргументация утратит блеск, но мы у вас в доме... Итак, картина вселенной, начертанная божественным Аристотелем, с ее мистически-музыкальными сферами и кристаллическими сводами, с круговращениями небесных тел и косоугольным склонением солнечного пути, с тайнами таблиц спутников и богатством звездного каталога южного полушария, с ее пронизанным светом строением небесного шара - является зданием, наделенным такой стройностью и красотой, что мы не должны были бы дерзать нарушить эту гармонию.

Галилей. А что, если ваше высочество увидели бы через эту трубу все эти столь же невозможные, сколь ненужные звезды?

Математик. Тогда возник бы соблазн возразить, что ваша труба, ежели она показывает то, чего не может быть, является не очень надежной трубой.

Галилей. Что вы хотите сказать?

Математик. Было бы более целесообразно, господин Галилей, если бы вы привели нам те основания, которые побуждают вас допустить, что в наивысшей сфере неизменного неба могут обретаться созвездия, движущиеся в свободном взвешенном состоянии.

Философ. Основания, господин Галилей, основания!

Галилей. Основания? Но ведь один взгляд на сами звезды и на заметки о моих наблюдениях показывает, что это именно так. Сударь, диспут - становится беспредметным.

Математик. Если бы не опасаться, что вы еще больше взволнуетесь, можно было бы сказать, что не все, что видно в вашей трубе, действительно существует в небесах. Это могут быть и совершенно различные явления.

Философ. Более вежливо выразить это невозможно.

Федерцони. Вы думаете, что мы нарисовали звезды Медичи на линзе?

Галилей. Вы обвиняете меня в обмане?

Философ. Что вы! Да как же мы дерзнули бы? В присутствии его высочества!

Математик. Ваш прибор, как бы его ни назвать - вашим детищем или вашим питомцем, - этот прибор сделан, конечно, очень ловко.

Философ. Мы совершенно убеждены, господин Галилей, что ни вы и никто иной не осмелился бы назвать светлейшим именем властительного дома такие звезды, чье существование не было бы выше всяких сомнений.

Все низко кланяются великому герцогу.

Козимо (оглядываясь на придворных дам). Что-нибудь не в порядке с моими звездами?

Пожилая придворная дама (великому герцогу). Со звездами вашего высочества все в порядке. Господа только сомневаются в том, действительно ли они существуют.

Пауза.

Молодая придворная дама. А говорят, что через этот прибор можно увидеть даже, какая шерсть у Большой Медведицы.

Федерцони. Да, а также пенки на Млечном пути.

Галилей. Что же, господа поглядят все-таки или нет?

Философ. Конечно, конечно.

Математик. Конечно.

Пауза. Внезапно Андреа поворачивается и, напряженно выпрямившись, идет

через всю комнату. Его мать перехватывает его.

Госпожа Сарти. Что с тобой?

Андреа. Они дураки! (Вырывается и убегает.)

Философ. Дитя, достойное сожаления.

Маршал двора. Ваше высочество, господа, осмелюсь напомнить, что через три четверти часа начинается придворный бал.

Математик. К чему нам разыгрывать комедию? Рано или поздно, но господину Галилею придется примириться с фактами. Его спутники Юпитера должны были бы пробить твердь сфер. Ведь это же очень просто.

Федерцони. Вам покажется это удивительным, но никаких сфер не существует.

Философ. В любом учебнике вы можете прочесть, милейший, что они существуют.

Федерцони. Значит, нужны новые учебники.

Философ. Ваше высочество, мой уважаемый коллега и я опираемся на авторитет не кого-либо, а самого божественного Аристотеля.

Галилей (почти заискивающе). Господа, вера в авторитет Аристотеля это одно дело, а факты, которые можно осязать собственными руками, это другое дело. Вы говорите, что, согласно Аристотелю, там, наверху, имеются кристаллические сферы и что движения такого рода невозможны, потому что могли бы их пробить. Но что, если вы сами убедитесь, что это движение происходит? Может быть, это докажет вам, что вообще нет кристаллических сфер. Господа, со всем смирением прошу вас: доверьтесь собственным глазам.

Математик. Любезный Галилей, время от времени я читаю Аристотеля, хоть вам это, вероятно, кажется старомодным, и можете не сомневаться, что при этом я доверяю своим глазам.

Галилей. Я привык уже к тому, что господа всех факультетов перед лицом фактов закрывают глаза и делают вид, что ничего не случилось. Я показываю свои заметки, и вы ухмыляетесь, я предоставляю в ваше распоряжение подзорную трубу, чтобы вы сами убедились, а мне приводят цитаты из Аристотеля. Ведь у него же не было подзорной трубы!

Математик. Да, уж конечно, не было.

Философ (величественно). Если здесь будут втапывать в грязь Аристотеля, чей авторитет признавала не только вся наука древности,

но и великие отцы церкви, то я, во всяком случае, полагаю излишним продолжать диспут. Бесцельный спор я отвергаю. Довольно.

Галилей. Истина - дитя времени, а не авторитета. Наше невежество бесконечно. Уменьшим его хоть на крошку! К чему еще теперь стараться быть умниками, когда мы наконец можем стать немного менее глупыми? Мне досталось несказанное счастье заполучить в руки новый прибор, с помощью которого можно немного ближе, очень немного, но все же ближе увидеть кусочек вселенной. Используйте же его.

Философ. Ваше высочество, дамы и господа, я могу только вопрошать себя, к чему все это поведет?

Галилей. Полагал бы, что мы, ученые, не должны спрашивать, куда может повести истина.

Философ (яростно). Гоподин Галилей, истина может завести куда угодно!

Галилей. Ваше высочество! В эти ночи по всей Италии подзорные трубы направляются на небо. Спутники Юпитера не понижают цены на молоко. Но их никто никогда не видел, и все же они существуют. Из этого простые люди делают свои выводы: значит, еще многое можно обнаружить, если только пошире открыть глаза! Они ждут от вас подтверждения истины! Вся Италия насторожилась сейчас. Но ее тревожат не пути далеких звезд, а весть о том, что начали колебаться учения, которые считались незыблемыми, - ведь каждый знает, что их существует слишком уж много. Право же, господа, не будем защищать поколебленные учения!

Федерцони. Вы, как учителя, должны были бы сами их потрясать.

Философ. Я желал бы, чтобы ваш мастер не вторгался со своими советами в научный диспут.

Галилей. Ваше высочество! Работая в большом арсенале Венеции, я ежедневно сталкивался с чертежниками, строителями, инструментальщиками. Эти люди указали мне немало новых путей. Не обладая книжными знаниями, эти люди доверяют свидетельствам своих пяти чувств. Чаще всего не страшась того, куда они их поведут.

Философ. Ого!

Галилей. Это очень похоже на мореплавателей, которые сто лет тому назад покинули наши берега, не зная, к каким новым берегам доплывут и доплывут ли вообще. Видимо, сегодня ту высокую

любопытность, которая создала подлинную славу Древней Греции, можно обнаружить на корабельных верфях.

Философ. После всего, что мы здесь услышали, я более не сомневаюсь, что господин Галилей найдет поклонников на корабельных верфях.

Маршал двора. Ваше высочество, к величайшему огорчению, я вынужден заметить, что это чрезвычайно поучительное собеседование несколько затянулось. Его высочество еще должен немного отдохнуть перед придворным балом.

По его знаку великий герцог кланяется Галилею. Придворные торопятся уйти.

Госпожа Сартти (становится перед великим герцогом, заграждая ему путь, и предлагает блюдо с печеньем). Пожалуйста, кренделек, ваше высочество!

Пожилая придворная дама уводит великого герцога.

Галилей (бежит следом). Но, право же, вам достаточно было только поглядеть в прибор!

Маршал двора. Его высочество не преминет запросить по поводу ваших утверждений мнение величайшего из ныне живущих астрономов господина патера Кристофера Клавиуса - главного астронома папской коллегии в Риме.

V

Не уstraшенный даже чумой, Галилей продолжает свои исследования

A

Раннее утро. Галилей у телескопа просматривает записи. Входит Вирджиния

с дорожной сумкой.

Галилей. Вирджиния! Что-нибудь случилось?

Вирджиния. Монастырь закрыли, нам пришлось немедленно уехать. В Арчетри пять случаев чумы.

Галилей (кричит). Сартти!

Вирджиния. Рыночную улицу здесь перегородили уже с ночи. В старом городе, говорят, двое умерли, а трое умирают в больнице.

Галилей. Опять они все скрывали до самой последней минуты.

Госпожа Сартти (входит). Что ты здесь делаешь?

Вирджиния. Чума.

Госпожа Сартти. Боже мой! Я сейчас же уложу вещи. (Садится.)

Галилей. Не укладывайте ничего. Возьмите Вирджинию и Андреа. Я только захвачу мои записи. (Поспешно бежит к своему столу и торопливо собирает в кучу бумаги.)

Вбегает Андреа. Госпожа Сартти накидывает на него плащ, собирает немного

постельного белья и еды. Входит лакей великого герцога.

Лакей. Его высочество ввиду свирепствующей болезни покинул город, отправившись в Болонью. Однако он настоял на том, чтобы господину Галилею также была предложена возможность отбыть в безопасное место. Карета будет через две минуты у ваших дверей.

Госпожа Сартти (Вирджинии и Андреа). Выходите и садитесь в карету. Вот возьмите это с собой.

Андреа. Но почему же? Если ты не скажешь почему, я не пойду.

Госпожа Сартти. Чума пришла, мой мальчик.

Вирджиния. Мы подождем отца.

Госпожа Сартти. Господин Галилей, вы готовы?

Галилей (заворачивая телескоп в скатерть). Усадите Вирджинию и Андреа в карету. Я сейчас приду.

Вирджиния. Нет, мы не пойдём без тебя. Ты никогда не кончишь, если начнешь еще укладывать свои книги.

Госпожа Сартти. Карета подъехала.

Галилей. Будь благоразумна, Вирджиния. Если вы не сядете в карету, кучер уедет. А с чумой шутки плохи.

Вирджиния (вырываясь от госпожи Сартти, которая уводит ее и Андреа). Помогите ему с книгами, а то он не придет.

Госпожа Сартти (кричит снизу). Господин Галилей! Карета уезжает. Кучер не хочет ждать.

Галилей (на лестнице). Сартти, я думаю, что мне уезжать не следует. Тут все в таком беспорядке. Видите ли, трехмесячные записи можно просто выбросить, если я не продолжу их еще одну-две ночи. А чума теперь везде.

Госпожа Сартти. Господин Галилей! Немедленно спускайся. Ты с ума сошел!

Галилей. Увезите Вирджинию и Андреа. Я догоню вас.

Госпожа Сартти. Но уже через час никого отсюда не выпустят. Ты обязан ехать! (Прислушивается.) Карета уезжает. Я должна ее

задержать. (Уходит.)

Галилей ходит по комнате взад и вперед. Госпожа Сартти возвращается очень

бледная, без узла.

Галилей. Ну чего вы стоите? Ведь карета может уехать! Там дети!

Госпожа Сартти. Они уже уехали. Вирджинию пришлось удержать силой. О детях позаботятся в Болонье. А кто вам будет подавать обед?

Галилей. Ты сумасшедшая. Оставаться в городе ради стряпни. (Берет свои записи.) Не думайте, что я безумец, Сартти. Я не могу оставить на произвол судьбы эти наблюдения. У меня сильные враги, и я должен собрать доказательства для некоторых утверждений.

Госпожа Сартти. Вам незачем оправдываться. Но это все-таки неразумно.

Б

Перед домом Галилея во Флоренции. Выходит Галилей, глядит вдоль улицы.

Проходят две монахини.

Галилей. Не скажете ли вы мне, сестры, где можно купить молока? Сегодня утром молочница не приходила, а моя экономка ушла.

Первая монахиня. Лавки открыты еще только в нижней части города.

Вторая монахиня. Вы вышли из этого дома?

Галилей кивает.

Это та самая улица.

Монахини крестятся, бормочут молитву и убегают. Проходит мужчина.

Галилей (обращаясь к нему). Не вы ли пекарь, который приносит нам хлеб?

Мужчина кивает.

Не видали ли вы моей экономки? Она ушла, должно быть, вчера вечером. Сегодня утром ее уже не было дома.

Мужчина качает головой. В доме напротив раскрывается окно, выпядывает

женщина.

Женщина (кричит). Бегите! У них там чума!

Мужчина испуганно убегает.

Галилей. Вы знаете что-нибудь о моей экономке?

Женщина. Ваша экономка свалилась на улице.

Она, наверно, знала уже, что больна. Потому и ушла. Такая бессовестность! (Захлопывает окно.)

На улице появляются дети; увидев Галилея, с криком убегают.
Галилей

поворачивается. Вбегают два солдата в железных панцирях.

Первый солдат. Сейчас же войди в дом!

Своими длинными копьями они вталкивают Галилея в дом.

Запирают снаружи

ворота.

Галилей (у окна). Можете вы сказать мне, что случилось с этой женщиной?

Солдаты. Таких стаскивают на свалку.

Женщина (снова появляется в окне). Там вся улица теперь зачумлена. Почему вы ее не заграждаете?

Солдаты протягивают веревку поперек улицы.

Но зачем же здесь? Так и к нам в дом никто не войдет! У нас же все здоровы. Стойте, стойте! Да послушайте же! Ведь мой муж в городе, он теперь не сможет попасть к нам. Звери вы! Звери!

Слышны ее рыдания и крики. Солдаты уходят. У другого окна появляется

старуха.

Галилей. Вон там, кажется, пожар.

Старуха. А теперь не тушат, если есть подозрение, что в доме чума. Каждый думает только о чуме.

Галилей. Как это похоже на них! В этом вся их система управления. Они отрубают нас, как больную ветку смоковницы, которая больше не может плодоносить.

Старуха. Напрасно вы так говорите. Они просто беспомощны.

Галилей. Вы одна в доме?

Старуха. Да. Мой сын прислал мне записку. Он, слава богу, еще вчера вечером узнал о том, что рядом с нами кто-то умер, и потому уже не вернулся домой. За эту ночь в нашем квартале заболело одиннадцать человек.

Галилей. Я не могу себе простить, что вовремя не отправил мою экономку. У меня-то срочная работа, но ей незачем было оставаться.

Старуха. Но ведь Мы и не Можем уйти отсюда. Кто нас примет? Вам нечего винить себя. Я видела ее. Она ушла сегодня утром, около семи часов. Она была больна, потому что, увидев меня, когда я выходила из двери забрать хлеб, далеко обошла меня. Она, должно быть, не хотела, чтобы ваш дом отгородили. Но они все равно все узнают.

Слышен шум и треск.

Галилей. Что это такое?

Старуха. Это они шумят, чтобы прогнать тучи, в которых сидят зародыши чумы.

Галилей громко смеется.

Вы еще можете смеяться!

Мужчина спускается по улице, видит, что она перегорожена веревкой.

Галилей. Эй! Здесь перегородили и заперли, а в доме нечего есть.

Мужчина убегает.

Но не дадите же вы людям умереть с голоду... Эй! Эй!

Старуха. Может быть, они принесут что-нибудь. Если нет, то я вам поставлю кувшин молока у дверей, если вы не боитесь, но только ночью.

Галилей. Эй! Эй! Должны же нас услышать!

Внезапно у веревки появляется Андреа. У него заплаканное лицо.

Андреа! Как ты попал сюда?

Андреа. Я был здесь уже утром, стучал, но вы не открыли. Люди мне сказали, что...

Галилей. Разве ты не уехал?

Андреа. Да, уехал, но по дороге мне удалось выскочить. Вирджинию повезли дальше. Можно мне войти?

Старуха. Нет, нельзя. Ты должен пойти в монастырь Урсулинок. Может быть, твоя мать там.

Андреа. Я был там. Но меня к ней не пустили. Она очень больна.

Галилей. Ты шел издалека? Ведь уже три дня, как ты уехал...

Андреа. Да, пришлось так долго идти. Не сердитесь. Они меня поймали один раз.

Галилей (беспомощно). Ну теперь не плачь. Видишь ли, я за это время кое-что опять нашел. Хочешь, я тебе расскажу?

Андреа кивает всхлипывая.

Только слушай внимательно, а то не поймешь. Помнишь, я показывал тебе планету Венера? Не слушай ты этот шум, это ничего не значит. Так ты помнишь? И знаешь, что я увидел? Она совсем такая же, как Луна. Я наблюдал ее в виде половины диска и в виде серпа. Что скажешь на это? Я смогу показать тебе это с помощью шара и свечи. Это доказывает, что и у этой планеты нет собственного свечения. И она вертится вокруг Солнца просто по кругу, разве это не удивительно?

Андреа (плача). Конечно, и это факт!

Галилей (тихо). Я не удерживал ее.

Андреа молчит.

Но, конечно, если бы я не остался, этого не произошло бы.

Андреа. А теперь они должны вам поверить?

Галилей. Теперь я собрал все доказательства. Знаешь, когда здесь все кончится, я поеду в Рим и покажу им.

По улице спускаются двое мужчин, их лица закутаны. Они несут длинные шесты и бадейки. С помощью шеста они передают хлеб в окна старухи и Галилея.

Старуха. Там, в доме напротив, женщина с тремя детьми. Положите и ей.

Галилей. Но мне пить нечего. В доме нет воды.

Мужчины пожимают плечами.

Вы завтра опять придете?

Первый (приглушенным голосом, так как нижняя часть лица повязана платком). А кто знает сегодня, что будет завтра?

Галилей. Не смогли бы вы, когда придете, передать мне таким же образом одну книжку, которая нужна мне для работы?

Второй (глухо смеется). Нашел время для книжек. Радуйся, что хлеб получаешь.

Галилей. Но вот этот мальчик, мой ученик, передаст вам ее для меня. Это книга с картами и расчетами времени, за которое проходит свою орбиту Меркурий. Андреа, я свою куда-то засунул. Не достанешь ли ты мне такую же в школе?

Мужчины уходят.

Андреа. Непременно. Я принесу ее, господин Галилей. (Уходит.)
Галилей отходит от окна. Из дома напротив выходит старуха и ставит кувшин у дверей Галилея.

VI

1616 год. "Коллегиум Романум" - исследовательский институт Ватикана

подтверждает открытие Галилея
Не часто услышишь о диве таком,
Чтоб учитель назвался учеником.
Великий Клавиус - божий раб
Признал, что Галилей был прав.

Зал "Коллегиума" в Риме. Группами расположились высокие духовные сановники, монахи, ученые. В стороне одинокий Галилей. Царит величайшая

непринужденность. Еще до начала действия слышен мощный хохот.

Толстый прелат (держась за живот от смеха). О глупость! О глупость! Хотел бы я, чтобы мне назвали хоть одно утверждение, которому бы не поверили!

Ученый. Например, что вы, монсиньор, испытываете непреодолимое отвращение к еде.

Прелат. Поверят! Поверят! Не верят только разумному. Сомневаются в том, что существует дьявол. Но вот в то, что Земля вертится, как щепка в сточной канаве, в это верят. Святая простота!

Монах (кривляясь). У меня кружится голова. Земля вертится слишком быстро. Позвольте мне опереться на вас, -профессор. (Делает вид, что шатается, и хватается за одного из ученых.)

Первый ученый (подражая ему). Да, она сегодня опять совершенно пьяна, старуха Земля. (Хватается за другого ученого.)

Монах. Держитесь, держитесь! Мы скатываемся. Держитесь же!

Второй ученый. Венера совсем скособочилась. Я вижу только половину ее задницы. Караул!

Все сбиваются в кучу, хохоча; ведут себя так, словно они на палубе корабля

и пытаются удержаться, чтоб их не стряхнуло.

Второй монах. Только бы нас не бросило на Луну! Братья, ведь там горы с отвратительно острыми вершинами!

Первый ученый. А ты отталкивайся от них ногами.

Первый монах. Не смотрите вниз! Я страдаю головокружением. Меня мутит.

Прелат (нарочно громко, в сторону Галилея). Мутит? Не может быть! Кто осмелится мутить воду в "Коллегиуме Романум"?!

Взрыв хохота. Из двери в глубине сцены выходят два астронома "Коллегиума".

Наступает тишина.

Первый монах. Неужели вы все еще исследуете? Ведь это же скандал!

Первый астроном (гневно). Мы-то ничего не исследуем.

Второй астроном. К чему все это приведет? Не понимаю Клавиуса! Что было бы, если бы стали принимать за чистую монету все, что утверждалось в течение последних пятидесяти лет! В тысяча пятьсот семьдесят втором году в наивысшей восьмой сфере - сфере неподвижных звезд - загорелась новая звезда, более яркая и крупная, чем все соседние с ней звезды. Но не прошло и полутора лет, как она вновь исчезла, канула в небытие. Так что ж, теперь нам следует спрашивать, как обстоит дело с вечностью и неизменностью неба?

Философ. Если им позволить, они разрушат все наше звездное небо.

Первый астроном. До чего мы дойдем? Пять лет спустя датчанин Тихо Браге определил путь кометы. Этот путь начинался над Луной и пробивал одну за другой все сферические опоры - материальные носители подвижных небесных тел! Комета не встречала никакого сопротивления, не испытывала никаких отклонений света. Что ж, значит, мы должны были бы спросить: где сферы?

Философ. Это исключено! И как только может сам Кристофер Клавиус, величайший астроном Италии и церкви, вообще даже рассматривать нечто подобное?

Прелат. Позор!

Первый астроном. И тем не менее он исследует! Он сидит там и глазеет в эту дьявольскую трубу!

Второй астроном. Principiis obsta! {Нарушены принципы! (лат.)} Все началось с того, что мы уже давно стали вычислять долготу

солнечного года, дни солнечных и лунных затмений и положение небесных тел по таблицам этого Коперника, а он - еретик.

Первый монах. А я спрашиваю, что лучше? Увидеть лунное затмение на три дня позже, чем предсказано в календаре, или навеки погубить душу?

Очень тощий монах (выходит на авансцену, держа в руках раскрытую Библию, фанатически тычет пальцем в страницу). Что сказано здесь, в писании? "Стой, солнце, над Гаваоном и луна - над долиною Ахалонскою". Как же может Солнце остановиться, если оно вообще не движется, как утверждают эти еретики? Разве писание лжет?

Второй астроном. Есть явления, которые нам, астрономам, трудно объяснить, но разве человек должен все понимать?

Оба астронома уходят.

Очень тощий монах. Родину человечества они приравнивают к блуждающей звезде. Людей, животных, растения, целые страны они погружают на тачку, которую гоняют по кругу в пустых небесах. Для них больше нет ни Земли, ни неба. Нет Земли потому, что она только небесное тело, и нет неба потому, что оно состоит из многих земель. И, значит, нет уже различия между верхом и низом, между вечным и бранным. Что мы бранны, мы это знаем. Но они говорят нам теперь, что и небо тоже бранно. Сказано было и записано так: есть Солнце, есть Луна, есть звезды, а мы живем на Земле. А теперь, по-ихнему, и Земля - это звезда. Нет ничего, кроме звезд! Мы еще доживем до того, что они скажут: нет различия между человеком и животным, человек тоже только животное; нет ничего, кроме животных!

Первый ученый (Галилею). Вы что-то бросили на пол, господин Галилей.

Галилей (все это время играл камнем, который достал из кармана, и наконец уронил его на пол. Наклоняется, чтобы поднять его). На потолок, монсиньор, я бросил его на потолок.

Толстый прелат (оборачиваясь). Какое бесстыдство!

Входит очень старый кардинал, опираясь на монаха. Перед ним почтительно

расступаются.

Кардинал. Они все еще там? Неужели они действительно не могут побыстрее управиться с такой мелочью? Клавиус-то должен

ведь разбираться в своей астрономии! Я слышал, что этот господин Галилей перемещает человечество из центра вселенной куда-то на край. Следовательно, он, совершенно очевидно, враг человеческого рода. И как с таковым с ним и следует поступать. Человек - венец творения; это известно каждому ребенку. Человек самое совершенное и самое любимое творение господа. Разве стал бы господь помещать такое дивное творение, плод таких чудотворных усилий на какую-то мелкую, побочную и все время куда-то убегающую звездочку? Стал бы он посылать своего, сына куда попало! И как могут быть люди настолько развращены, чтобы верить этим жалким рабам своих расчетных таблиц? Какое божье творение допустит это?

Прелат (вполголоса). Этот господин здесь присутствует.

Кардинал (Галилею). Вот как, значит, это вы? Я уже не слишком хорошо вижу, но все же я замечаю, что вы очень похожи на того человека - как там его звали? - которого мы в свое время сожгли.

Монах. Вашему преосвященству не следует волноваться. Врач...

Кардинал (отталкивает его, Галилею). Вы пытаетесь унижить Землю, хотя вы на ней живете и все от нее получаете. Вы гадите в свое гнездо. Но уж я ни в коем случае не допущу этого. (Отталкивает монаха и начинает гордо расхаживать взад и вперед.) Я не какое-то существо на какой-то звездочке, которая короткое время где-то там вертится. Я ступаю по твердой земле, я шагаю уверенно, Земля неподвижна, она - средоточие вселенной, я нахожусь в этом средоточии, и взор творца почиет на мне, и только на мне. Вокруг меня вращаются закрепленные на кристаллических сферах неподвижные звезды и могучее Солнце, созданное для того, чтобы освещать все, что есть в моем мире. А также и меня, чтобы господь меня видел. И так явственно и неопровержимо все сосредоточено вокруг меня, вокруг человека, ибо человек это плод господнего усилия, творение, обретающееся в центре мироздания, образ и подобие божье, непреходящее и... (Шатается, теряет сознание.)

В это мгновение растворяется дверь в глубине сцены; во главе группы астрономов выходит великий Клавиус. Он проходит быстро и молча, не оглядываясь по сторонам, через зал и уже у выхода говорит, обращаясь к

одному из монахов.

Клавиус. Все правильно! (Уходит, сопровождаемый астрономами.)

Дверь в глубине сцены остается открытой. Мертвая тишина.

Старик кардинал

приходит в себя.

Кардинал. Что такое? Решение уже вынесено?

Никто не осмеливается сказать ему.

Монах. Вашему преосвященству нужно проследовать домой.

Старику помогают выйти. Все в смятении покидают зал.

Маленький монах из

комиссии Клавиуса останавливается возле Галилея.

Маленький монах (шепотом). Господин Галилей, патер Клавиус, перед тем как уйти, сказал: пусть теперь теологи позаботятся о том, чтобы снова вправить небесные круги. Итак, победа ваша. (Идет к выходу.)

Галилей (пытаясь задержать его). Моя? Нет! Это победа разума!

Маленький монах уходит, Галилей тоже направляется к выходу. Из дверей ему навстречу выходит высокий монах - кардинал-инквизитор. Его сопровождает один из астрономов. Галилей кланяется и, прежде чем выйти, шепотом

спрашивает что-то у одного из привратников.

Привратник (отвечает шепотом). Его преосвященство кардинал-инквизитор.

Астроном провожает кардинала-инквизитора к телескопу.

VII

Но инквизиция налагает запрет на учение Коперника (5 марта 1616 года)

Когда Галилей приехал в Рим,

Кардинальский дворец распахнулся пред ним,

Ему сласти несли, подливали вино

И просили исполнить желание одно.

Дом кардинала Беллармина в Риме. Бал в разгаре. В вестибюле два монаха-писца

сидят за шахматами и ведут записи о гостях. Входят Галилей, его дочь Вирджиния, ее жених Людовико Марсили; их встречает рукоплесканиями небольшая группа мужчин и дам в масках.

Вирджиния. Я буду танцевать только с тобой, Людовико.

Людовико. У тебя пряжка на плече расстегнулась.

Галилей.

Сместившийся слегка платок нагрудный

Не поправляй так тщательно, Таисия!

Иной беспорядок случайный позволит

Скрытые прелести вдруг подглядеть.

Так в людном, огнями сияющем зале

Можно мечтать о таинственном парке,

Где темная тень ожиданий полна.

Вирджиния. Послушай мое сердце.

Галилей (кладет ей руку на сердце). Бьется.

Вирджиния. Я хочу быть красивой.

Галилей. Да-да, будь красива. Не то они опять усомнятся, что она вертится.

Людовико. Да она же вовсе не вертится.

Галилей смеется.

Весь Рим говорит только о вас. Но с сегодняшнего вечера, сударь, будут говорить о вашей дочери.

Галилей. Говорят, что нетрудно быть красивым в Риме весной. Тут даже и я могу уподобиться располневшему Адонису. (Писцам.) Я должен здесь подождать господина кардинала. (Дочери и Людовико.) Идите веселитесь.

Вирджиния (не успев еще войти в бальный зал, возвращается, подбегает к отцу). Отец, парикмахер на Виз дель Трионфо принял меня вне очереди, заставил четырех дам ожидать. Ему известно твое имя. (Уходит.)

Галилей (писцам). А почему вы играете в шахматы еще постарому? Тесно! Тесно! Теперь везде играют так, что большие фигуры могут проходить по всей доске. Ладья так (показывает), слон так, а ферзь и так и эдак. Теперь есть простор и можно строить планы.

Первый писец. Это, знаете ли, не соответствует нашему малому жалованью. Мы можем ходить только так! (Делает короткий ход.)

Галилей. Напротив, милейший, напротив. Кто живет на широкую ногу, тому и обувь дают пошире. Нельзя отставать от времени. Не все же плавать только вдоль берегов. Когда-нибудь надо и в открытое море выйти.

По сцене проходит очень старый кардинал в сопровождении монаха. Он замечает Галилея, но проходит мимо него, потом нерешительно поворачивается и кланяется. Галилей садится. Из бального зала слышен хор мальчиков, поющих

начало известного стихотворения Лоренцо Медичи о бренности жизни:

"Зрел я умиравшие розы на кустах,
Лепестки завядшие опадали в прах,
Созерцая это, понял я с тех пор,
Сколь бесплодно тщетен юности задор".

Да, Рим... Большое нынче празднество, не правда ли?

Первый писец. Первый карнавал после чумы. Здесь представлены сегодня все лучшие семьи Италии: Орсини, Виллани, Нукколи, Сольданьери, Кане, Лекки, Эстензи, Коломбини...

Второй писец (прерывает). Их преосвященства кардиналы Беллармин и Барберини.

Входят кардинал Беллармин в маске ягненка и кардинал Барберини в маске

голубя. Маски они держат на палочках перед собой.

Барберини (вытянув указательный палец к лицу Галилея). "Восходит солнце, и заходит солнце и спешит к месту своему". Так говорит Соломон, а что говорит Галилей?

Галилей. Когда я был вот таким (показывает рукой) малышом, ваше преосвященство, я однажды стоял на палубе корабля и кричал: берег уходит! Теперь я знаю: берег был неподвижен, а уходил корабль.

Барберини. Хитро, хитро. Тому, что ты видишь, Беллармин, а именно тому, что вращается звездное небо, не нужно верить, - вспомним о корабле и берегу. А верить нужно тому, чего нельзя видеть, тому, что вертится Земля. Хитро. Однако его луны Юпитера - это твердые орешки для наших астрономов. Да, Беллармин, к сожалению, и я тоже когда-то занимался немного астрономией. Это прилипчиво, как чесотка.

Беллармин. Будем идти в ногу со временем, Барберини. Если звездные карты, основанные на некоей новой гипотезе, облегчают нашим мореплавателям их странствия, пусть они пользуются этими картами. Нам только не нравятся те учения, которые опровергают священное писание. (Приветливо машет кому-то в бальном зале.)

Галилей. Писание гласит: "Кто удерживает у себя хлеб, того клянет народ". Притчи Соломоновы.

Барберини. "Мудрый таит свое знание". Притчи Соломоновы.

Галилей. "Где есть вола, там и стойла грязны. Но много прибыли. - от силы вола".

Барберини. "Кто держит в узде свой разум, лучше того, кто завоевал город".

Галилей. "У кого сломлен дух, у того иссохнет плоть". (Пауза.) "Разве не громко вопиет истина?"

Барберини. "Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих?" Добро пожаловать в Рим, друг Галилей. А вы знаете, как возник Рим? Предание гласит, что двух крошек-мальчиков приютила волчица и вскормила их своим молоком. С той поры все дети должны за свое молоко платить волчице. Но зато волчица заботится о всяческих утехах - земных и небесных, начиная от бесед с моим ученым другом Беллармином и кончая тремя или четырьмя дамами, которые имеют международную известность. Позвольте, я покажу их вам.

Барберини ведет Галилея к бальному залу, тот упирается.

Не хотите? Он упрям и хочет вести серьезную беседу. Ладно! А не кажется ли вам, друг мой Галилей, что вы, астрономы, просто хотите сделать свою науку более удобной? (Ведет Галилея опять на авансцену.) Вы мыслите кругами или эллипсами, мыслите в понятиях равномерных скоростей и простых движений, которые под силу вашим мозгам. А что, если бы господь повелел своим небесным телам двигаться так? (Описывает пальцем в воздухе сложную кривую с переменной скоростью.) Что было бы тогда со всеми вашими вычислениями?

Галилей. Ваше преосвященство, если бы господь так сконструировал мир (повторяет движение Барберини), то он сконструировал бы и наши мозги тоже так (повторяет то же движение), чтобы именно эти пути познавались как простейшие. Я верю в разум.

Барберини. А я считаю разум несостоятельным. (Указывая на Галилея.) Он молчит. Он слишком вежлив, чтобы сказать, что считает несостоятельным мой разум. (Смеется, возвращается к балюстраде.)

Беллармин. Друг мой, разум ограничен; мы видим вокруг только ложь, преступления и слабость. Где же истина?

Галилей (гневно). Я верю в разум.

Барберини (писцам). Не записывайте ничего, это научное собеседование друзей.

Беллармин. Подумайте на мгновение о том, сколько стоило труда и напряжения мысли отцам церкви и многим после них, чтобы внести хоть немного смысла в этот мир; а разве он не отвратителен? Подумайте о жестокости тех помещиков Кампаньи, в чьих имениях хлещут бичами полуголых крестьян, подумайте и о глупости этих несчастных, целующих ноги своим насильникам,

Галилей. Это позор! На пути сюда я видел...

Беллармин. Ответственность за все явления, которые мы не можем понять, - ведь жизнь состоит из них, - мы переложили на некое высшее существо. Мы говорим, что все это имеет определенную цель, что все это происходит согласно великому плану. Нельзя сказать, что так обеспечивается полное умиротворение, но вот теперь вы обвиняете верховное существо в том, что оно даже не понимает толком, как движутся небесные тела, и только вы это поняли. Разве это разумно?

Галилей (готовится дать объяснение). Я верующий сын церкви...

Барберини. Нет, это просто ужасно! Он хочет нам с самым простодушным видом доказать, что бог наделал грубейших ошибок в астрономии. Что ж, по-вашему, господь недостаточно внимательно изучал астрономию перед тем, как создал священное писание? Дорогой друг...

Беллармин. А вам не кажется более вероятным, что создатель все же лучше разбирается в созданном, чем одно из его созданий?

Галилей. Однако, господа, в конце концов, человек может ошибиться не только в суждениях о движении звезд, но и в толковании Библии.

Беллармин. О том, как понимать Библию, предоставим уж судить теологам святой церкви, не правда ли?

Галилей молчит.

Вот видите, теперь вы молчите. (Делает знак писцам.) Господин Галилей, святейший совет постановил сегодня ночью, что учение Коперника о том, что Солнце неподвижно и служит центром

вселенной, а Земля не центр вселенной и движется, является безумным, нелепым и еретическим. Мне поручено призвать вас отказаться от этих взглядов. (Первому писцу.) Повторите.

Писец. Его преосвященство, кардинал Беллармин, обращается к упомянутому Галилео Галилею: святейший совет постановил сегодня ночью, что учение Коперника о том, что Солнце неподвижно и служит центром вселенной, а Земля не центр вселенной и движется, является безумным, нелепым и еретическим. Мне поручено призвать вас отказаться от этих взглядов.

Галилей. Что это значит?

Из зала доносится новая строфа песни, исполняемой хором мальчиков.

"Пока не кончилась весна,
Сорвите розу, вот она!"

Барберини жестом просит Галилея молчать, пока звучит пение.

Они

прислушиваются.

Но как же тогда факты? Я понял так, что астрономы римской коллегии признали правильными те записи, которые я представил...

Беллармин. Да, и с выражением глубочайшего удовлетворения, в самой почетной для вас форме...

Галилей. Но спутники Юпитера, но фазы Венеры...

Беллармин. Святая конгрегация приняла свое решение, не учитывая эти подробности.

Галилей. Значит, всякие дальнейшие научные исследования...

Беллармин. ...полностью обеспечены, господин Галилей. В соответствии с учением церкви, которое гласит, что мы не можем познать, но вправе исследовать. (Опять приветствует кого-то в зале.) Вам предоставляется право использовать и это учение как математическую гипотезу. Наука является законной и весьма любимой дочерью церкви, господин Галилей. Никто из нас не считает всерьез, что вы намерены подорвать доверие к церкви.

Галилей (гневно). Доверие иссякает, когда им слишком злоупотребляют.

Барберини. Вот как? (Громко смеясь, хлопает Галилея по плечу, потом пристально смотрит на него и говорит почти дружелюбно.) Не

выплескивайте вместе с водой из ванны младенца, друг мой Галилей. Ведь и мы этого не делаем. Вы нужны нам больше, чем мы вам.

Беллармии (берет под руку Галилея). Мне не терпится представить величайшего математика Италии комиссару святейшего совета, он чрезвычайно высоко ценит вас.

Барберини (подхватывая вторую руку Галилея). После чего он снова превратится в агнца. И вам было бы лучше прийти сюда ряженым, переодетым в почтенного доктора схоластики, дорогой друг. Мне, например, моя сегодняшняя маска позволяет некоторую свободу. В таком виде я могу даже бормотать: если бы не было бога, то следовало бы его выдумать. Итак, наденем опять наши маски. А вот у бедного Галилея вовсе нет маски.

Кардинал Беллармин и кардинал Барберини уводят Галилея, взяв его под руки.

Первый писец. Ты записал последнюю фразу?

Второй писец. Еще пишу.

Оба усердно пишут.

У тебя записано, как он сказал, что верит в разум?

Входит кардинал-инквизитор.

Кардинал-инквизитор. Беседа состоялась?

Первый писец (автоматически). Сперва пришел господин Галилей со своей дочерью. Она сегодня обручилась с господином...

Кардинал-инквизитор жестом прерывает его.

Господин Галилей потом объяснял нам новый вид шахматной игры, по которому, вопреки всем правилам, можно передвигать фигуры через всю доску.

Кардинал-инквизитор (опять прерывает его жестом). Протокол!

Первый писец передает ему листы. Кардинал-инквизитор садится и просматривает их. Через сцену проходят две молодые дамы в масках, они приседают перед

кардиналом-инквизитором.

Первая дама. Кто это?

Вторая дама. Кардинал-инквизитор.

Обе, хихикая, уходят. Входит Вирджиния, оглядывается, разыскивает кого-то.

Кардинал-инквизитор (из своего угла). Итак, дочь моя?

Вирджиния (вздрагивает, так как не сразу увидела его). О, ваше преосвященство!

Кардинал-инквизитор, не вставая, протягивает ей правую руку; она подходит,

становится на колени и целует его перстень.

Кардинал-инквизитор. Великолепнейший вечер. Позвольте мне поздравить вас с обручением. Ваш жених из знатной семьи. Вы останетесь у нас в Риме?

Вирджиния. Пока еще нет, ваше преосвященство. Нужно так много приготовить к свадьбе.

Кардинал-инквизитор. Значит, вы последуете за отцом во Флоренцию. Рад этому. Могу себе представить, как вы нужны отцу. Жить в доме с одной лишь математикой неуютно, не правда ли? А существо из плоти и крови в таком доме значит очень много. Ведь так легко затеряться великому человеку в столь обширных звездных мирах.

Вирджиния (взволнованно). Вы так добры, ваше преосвященство. Право же, я почти ничего не понимаю во всем этом.

Кардинал-инквизитор. Неужто? (Смеется). В доме рыбака не едят рыбы, не так ли? Это, вероятно, очень позабавит вашего батюшку, дитя мое, когда он узнает, что все, что вам известно о звездных мирах, вы услышали от меня. (Перелистывает протокол.) Я прочел здесь, что наши обновители, главой которых, как признано всеми, является ваш отец - великий человек, один из величайших, - считают современные понятия о значении нашей милой Земли несколько преувеличенными. Со времен Птолемея, великого мудреца древности, и до сегодняшнего дня считалось, что вся вселенная, весь кристаллический шар, в середине которого покоится Земля, имеет поперечник примерно в двадцать тысяч раз больше поперечника Земли. Это очень большая величина, но, оказывается, она слишком мала, совсем-совсем мала для обновителей. Если им поверить, то все это пространство невообразимо расширяется, и расстояние от Земли до Солнца, которое всегда казалось нам очень значительным, теперь окажется столь ничтожно малым в сравнении с тем расстоянием, которое отделяет нашу бедную Землю от неподвижных звезд, закрепленных на самой внешней кристаллической сфере, что его даже не стоит принимать в

расчет при вычислениях. Ну кто после этого еще осмелится говорить, что наши обновители не живут на широкую ногу.

Вирджиния смеется; кардинал-инквизитор смеется тоже.

Действительно, некоторых господ из святейшего совета недавно чуть не оскорбила такая картина вселенной, по сравнению с которой та, что существует сейчас, оказывается очень маленькой картиной. Настолько маленькой, что ее можно было бы повесить на очаровательную шейку некоей юной девицы. Эти господа опасаются, что в столь чудовищно огромных пространствах может легко затеряться любой прелат и даже кардинал. Всемогущий бог мог бы не заметить даже самого папу. Да, это забавно, но я рад, что вы, милое дитя, и в дальнейшем будете находиться при вашем великом отце, которого мы все так бесконечно ценим. Я пытаюсь вспомнить, не знаю ли я вашего исповедника...

Вирджиния. Отец Христофор из монастыря святой Урсулы.

Кардинал-инквизитор. Да-да, я рад, что вы будете сопровождать вашего отца. Вы будете нужны ему. Вы, наверно, даже не можете себе представить, насколько нужны. Но это будет так. Вы молоды, вы полны жизни, вся из плоти и крови. А величие не всегда легко вынести тем, кого господь наделил величием, не всегда. Никто из смертных не велик настолько, чтобы его нельзя было помянуть в молитве. Однако я вас задерживаю, милое дитя, и могу возбудить ревность вашего жениха, а может быть, и вашего отца тем, что рассказал вам кое-что о звездах, что к тому же, быть может, устарело. Идите скорее танцевать и не забудьте передать от меня привет отцу Христофору.

Вирджиния низко кланяется и быстро уходит.

VIII

Разговор

Запретил ту науку святейший престол,
Но монах молодой к Галилею пришел,
Из нищей деревни, крестьянский сын,
Хотел он науку познать до глубин,
В науку хотел, в науку хотел.

Дворец флорентийского посла в Риме. Галилей беседует с маленьким монахом, тем самым, который после заседания "Коллегиума" шепотом сообщил ему мнение

папского астронома.

Галилей. Говорите, говорите! Одежда, которую вы носите, дает вам право говорить все что хотите.

Маленький монах. Я изучал математику, господин Галилей,

Галилей. Это имело бы смысл, если бы побудило вас признать, что время от времени дважды два бывает равно четырем.

Маленький монах. Господин Галилей, уже три ночи я не могу заснуть. Я не знал, как примирить этот декрет, который я прочел, со спутниками Юпитера, которые я наблюдал. Но сегодня я решил отслужить утреннюю мессу и пойти к вам.

Галилей. Чтобы сообщить мне, что спутников Юпитера не существует.

Маленький монах. Нет. Мне удалось постичь мудрость декрета. Он открыл мне опасности, которые таятся для человечества в слишком безудержном исследовании, и я решил отказаться от занятий астрономией. И, кроме того, я считаю очень важным изложить вам те соображения, которые могут побудить и астронома отказаться от дальнейшей разработки известного учения.

Галилей. Смею сказать, что мне эти соображения известны.

Маленький монах. Я понимаю горечь ваших слов. Вы думаете о тех чрезвычайных средствах поддержания власти, которыми располагает церковь.

Галилей. Скажите прямо - орудия пытки.

Маленький монах. Но я хочу говорить о другом. Позвольте мне рассказать о себе. Я из крестьянской семьи, вырос в Кампанье. Мои родные - простые люди. Они знают все о масличном дереве, но, кроме этого, почти ничего не знают. Наблюдая фазы Венеры, я думал о своих родителях. Вместе с моей сестрой они сидят у очага, едят створоженное молоко. Над ними перекладыны потолка, почерневшие от дыма нескольких столетий, в их старых натруженных руках маленькие ложки. Им живется плохо, но даже в несчастьях для них скрыт определенный порядок. Это порядок неизменных круговоротов во всем: и в том, когда подметают пол в доме, и в смене времен года в масличных садах, и в уплате налогов. Все беды, которые обрушиваются на них, тоже как-то закономерны. Спина моего отца все больше сгибается, но не сразу, а постепенно, с каждой новой весной, после новой работы в поле. И так же чередовались роды,

которые сделали мою мать почти бесполом существом, - они следовали с определенными промежутками. Все свои силы - силы, необходимые для того, чтобы, обливаясь потом, таскать корзины по каменистым тропам, рожать детей и даже просто есть, они черпали из ощущения постоянства и необходимости. Из того ощущения, которое возбуждали в них уже сама земля, и деревья, ежегодно зеленеющие вновь, и маленькая церковка, и воскресные чтения Библии. Их уверили в том, что на них обращен взор божества - пытливый и заботливый взор, - что весь мир вокруг создан как театр для того, чтобы они - действующие лица - могли достойно сыграть свои большие и малые роли. Что сказали бы они, если б узнали от меня, что живут на крохотном каменном комочке, который непрерывно вращается в пустом пространстве и движется вокруг другой звезды, и что сам по себе этот комочек лишь одна из многих звезд, и к тому же довольно незначительная. К чему после этого терпение, покорность в нужде? На что пригодно священное писание, которое все объяснило и обосновало необходимость пота, терпения, голода, покорности, а теперь вдруг оказалось полным ошибок? И вот я вижу, как в их взглядах мелькает испуг, они опускают ложки на плиту очага; я вижу, что они чувствуют себя преданными, обманутыми. Значит, ничей взор не обращен на нас, говорят они. Значит, мы сами должны заботиться о себе, мы, невежественные, старые, истощенные. Значит, никто не придумал для нас иной роли, кроме этой земной, жалкой, на этой вот ничтожной звездочке, к тому же совершенно несамостоятельной, вокруг которой ничто не вращается? Нет никакого смысла в нашей нужде; голодать - это значит просто не есть, - это не испытание сил; трудиться - это значит просто гнуть спину и таскать тяжести, в этом нет подвига. Понимаете ли вы теперь, почему я в декрете святой конгрегации обнаружил благородное материнское сострадание, великую душевную доброту?

Галилей. Душевную доброту! Вероятно, вы рассуждаете так: ничего нет, вино выпито, их губы пересохли, пусть же они целуют сутану! А почему нет ничего? Почему порядок в нашей стране - это порядок пустых закров? Почему необходимость у нас - это необходимость работать до изнеможения? Среди цветущих виноградников, у полей колосающейся пшеницы! Ваши крестьяне в Кампанье оплачивают войны, которые ведет наместник милосердного

Христа в Испании и в Германии. Зачем он помещает Землю в центре мироздания? Да затем, чтобы престол святого Петра мог стоять в центре Земли! В этом-то и все дело! Вы правы, речь идет не о планетах, а о крестьянах Кампаньи. И не говорите мне о красоте явлений, позлащенных древностью. Знаете ли вы, как создается жемчуг в раковине *Margaritifera*? Эта устрица смертельно заболевает, когда в нее проникает какое-нибудь чужеродное тело, например песчинка. Она замыкает эту песчинку в шарик из слизи. Она сама едва не погибает при этом. К черту жемчуг, я предпочитаю здоровых устриц. Добродетели вовсе не сопряжены с нищетой, мой милый. Если бы ваши родные были состоятельны и счастливы, они могли бы развить в себе добродетели, возникающие в благосостоянии и от счастья. А теперь эти добродетели истощенных бедняков вырастают на истощенных нивах, и я отвергаю их. Сударь, мои новые водяные насосы могут творить больше чудес, чем вся ваша сверхчеловеческая болтовня. "Плодитесь и размножайтесь", ибо ваши поля бесплодны и войны сокращают вашу численность. Неужели я должен лгать вашим родным?

Маленький монах (очень взволнован). Наивысшие соображения должны побудить нас молчать, ведь речь идет о душевном покое несчастных!

Галилей. Показать вам часы работы Бенвенуто Челлини, которые сегодня утром привез сюда кучер кардинала Беллармина? Дорогой мой, в награду за то, что я не потревожу душевного покоя, скажем, ваших близких, власти дарят мне то самое вино, которое изготавливают ваши родные в поте лица своего, созданного, как известно, по образу и подобию божьему. Если бы я согласился молчать, то поступил бы так, уж конечно, не из высших, а из очень низменных побуждений, чтобы жить в довольстве, не зная преследований и прочего.

Маленький монах. Господин Галилей, я священник.

Галилей. Но и физик тоже. И вы видели, что у Венеры есть фазы. Погляди-ка туда! (Показывая в окно.) Видишь там миленького Приапа над ручьем у лаврового дерева? Бог садов, птиц и воров, двухтысячелетний похабный крестьянский идол! Он меньше лгал. Впрочем, ладно, оставим это, я тоже сын церкви. Но знаете ли вы восьмую сатиру Горация? В эти дни я опять перечитываю его; он иногда помогает сохранить душевное равновесие. (Берет небольшую

книжку.) Вот что у него говорит именно Приап, маленькая статуя в Эсквилинских садах. Начинается так:

"Я был стволом смоковницы бесплодной,
Когда однажды плотник, размышляя,
Что вытесать: скамью или Приапа,
Решил сомненье, вырезавши бога..."

Как вы полагаете, позволил бы Гораций запретить упоминание о скамье и заменить ее в стихах словом "стол"? Сударь, мое чувство прекрасного не допускает, чтобы фазы Венеры отсутствовали в моей картине мироздания. Мы не можем изобретать механизмы для выкачивания воды из рек, если нельзя изучать величайший механизм, который у нас перед глазами, - механизм звездного неба. Сумма углов треугольника не может быть изменена согласно потребностям церковных властей. Пути летящих тел я не могу вычислять так, чтобы эти расчеты заодно объясняли и полеты ведьм верхом на метле.

Маленький монах. А не думаете ли вы, что истина - если это истина выйдет наружу и без нас?

Галилей. Нет, нет и нет! Наружу выходит ровно столько истины, сколько мы выводим. Победа разума может быть только победой разумных. Вот вы уже описываете крестьян из Кампаньи так, словно они мох на своих лачугах! Кто станет предполагать, что сумма углов треугольника может противоречить потребностям этих крестьян? Но если они не придут в движение и не научатся думать, то им не помогут и самые лучшие оросительные устройства. К чертям! Я посмотрелся на божественное терпение ваших родных, но где ж их божественный гнев?

Маленький монах. Они устали!

Галилей (бросает ему связку рукописей). Ты физик, сын мой? Здесь рассмотрены причины приливов и отливов, движущих океан. Но ты не должен читать этого. Слышишь? Ах, ты уже читаешь. Значит, ты физик?

Маленький монах погружается в бумаги.

Яблоко с древа познания! Он уже вгрызается в него. Он проклят навеки и все же должен сплодать его, злосчастный обжора! Иногда я думаю, что согласился бы, чтобы меня заперли в подземной тюрьме, на десять сажен под землей, куда не проникал бы и луч света, если бы только взамен я мог узнать, что же такое свет. И самое страшное: все,

что я знаю, я должен поведать другим. Как влюбленный, как пьяный, как предатель. Это, конечно, порок, и он грозит бедой. Как долго еще я смогу кричать обо всем, что знаю, только в печную трубу, - вот в чем вопрос.

Маленький монах (указывает на страницу). Не могу понять этого места.

Галилей. Я объясню тебе, я объясню тебе.

IX

После восьмилетнего молчания Галилей узнает, что новым папой стал ученый; ободренный этим известием, Галилей начинает новые исследования в запретной

области. Солнечные пятна

Хранил он истину за семью замками,

Держал язык за стиснутыми зубами;

Молчал он восемь постылых лет,

Но, разгневавшись, выпустил истину в свет.

Дом Галилея во Флоренции. Ученики Галилея - Федерцони, маленький монах и Андреа Сартти, который стал уже юношей, - собрались на экспериментальные занятия. Галилей стоя читает книгу. Внизу Вирджиния и госпожа Сартти шьют

белье для приданого.

Вирджиния. Шитье приданого - это веселое шитье. Вот это скатерть для стола больших приемов. Людовико любит гостей. Но шить нужно очень хорошо. Его мать видит каждый стежок. Она не согласна с книгами отца. Так же как отец Христофор.

Госпожа Сартти. Вот уже много лет, как он не написал ни одной книги.

Вирджиния. Я думаю, он понял, что заблуждался. В Риме одно высокое духовное лицо многое объяснило мне по астрономии. Расстояния слишком велики.

Андреа (пишет на доске). "Четверг, после полудня. Плавающие тела". Опять лед, лохань с водой, весы, железная игла, Аристотель. (Приносит перечисленные предметы.)

Остальные читают книги.

Входит Филиппо Муциус, ученый средних лет. Он чем-то расстроен.

Муциус. Не можете ли вы сказать господину Галилею, что он должен меня принять? Он осуждает меня, не выслушав.

Госпожа Сарти. Но ведь он не хочет вас принимать.

Муциус. Господь наградит вас, если вы его упросите. Я должен с ним поговорить.

Вирджиния (идет к лестнице). Отец!

Галилей. Что такое?

Вирджиния. Господин Муциус!

Галилей (резко повернулся, идет к лестнице, за ним ученики).
Что вам угодно?

Муциус. Господин Галилей, я прошу вас разрешить мне объяснить вам те места в моей книге, в которых, как может показаться, я осудил учение Коперника о вращении Земли. У меня...

Галилей. Что вы собираетесь объяснять? У вас все в полном соответствии с декретом святой конгрегации от тысяча шестьсот шестнадцатого года. Следовательно, вы вполне правы. И хотя вы изучали здесь математику, но это не позволяет нам требовать от вас, чтоб вы утверждали, будто дважды два равно четырем. Вы имеете полное право утверждать, что этот камень (вынимает из кармана камешек и бросает его с лестницы на пол) только что взлетел вверх, на крышу.

Муциус. Господин Галилей, я...

Галилей. Не вздумайте говорить о трудностях! Я не позволил даже чуме помешать моим наблюдениям.

Муциус. Господин Галилей, чума еще не самое худшее.

Галилей. Я говорю вам: тот, кто не знает истины, только плуп. Но кто ее знает и называет ложью, тот преступник. Уходите из моего дома.

Муциус (беззвучно). Вы правы. (Уходит.)

Галилей возвращается в кабинет.

Федерцони. К сожалению, это так. Он мелкий человек и вообще ничего бы не значил, если бы не был вашим учеником. Но теперь они там, конечно, говорят: вот он слышал все то, чему учит Галилей, и сам признает, что все это ложь.

Госпожа Сарти. Мне жаль этого господина.

Вирджиния. Отец его так любил.

Госпожа Сарти. Я хочу поговорить с тобой о свадьбе, Вирджиния. Ты еще так молода, и матери у тебя нет, а твой отец кладет в воду кусочки льда. Во всяком случае, не советую тебе спрашивать его ни о чем, относящемся к свадьбе. Он стал бы целую неделю говорить самые ужасные вещи, к тому же за столом, в присутствии молодых людей. Ведь у него нет и никогда не было стыда ни на грош. Но и я не думаю о таких вещах, а просто о том, как получится в будущем. Знать я ничего не могу, я необразованная женщина. Но в такое серьезное дело нельзя пускаться вслепую. Я думаю, ты должна пойти к настоящему астроному в университет, чтобы он составил тебе гороскоп, и тогда ты будешь знать что к чему. Почему ты смеешься?

Вирджиния. Да потому, что я уже была там.

Госпожа Сарти (с жадным любопытством). И что он сказал?

Вирджиния. В течение трех месяцев я должна остерегаться, так как Солнце находится под знаком Козерога, но потом расположение звезд будет благоприятным для меня, и тогда тучи разойдутся. Если я не буду упускать из виду Юпитер, я могу предпринимать любое путешествие, так как я сама Козерог.

Госпожа Сарти. А Людовико?

Вирджиния. А он - Лев. (Немного помолчав.) Говорят, это значит, что он чувственный.

Пауза.

Знакомые шаги. Это ректор, господин Гаффоне.

Входит Гаффоне - ректор университета.

Гаффоне. Я только принес книгу, которая, может быть, заинтересует вашего батюшку, пожалуйста, ради бога, не тревожьте господина Галилея. Право же, мне всегда кажется, что каждая минута, которую крадут у этого великого человека, украдена у Италии. Я осторожно вложу книгу в ваши ручки и ухожу. На цыпочках. (Уходит.)

Вирджиния передает книгу Федерцони.

Галилей. О чем это?

Федерцони. Не знаю. (Читает по складам.) "De maculis in sole...".

Андреа. О солнечных пятнах. Еще одна!

Федерцони с досадой передает ему книгу.

Слушайте, какое посвящение! "Величайшему из ныне живущих авторитетов физики Галилео Галилею".

Галилей опять углубился в книгу.

Я прочел трактат о солнечных пятнах голландца Фабрициуса. Он предполагает, что это скопления звезд, которые движутся между Землей и Солнцем.

Маленький монах. Разве это не сомнительно, господин Галилей?

Галилей молчит.

Андреа. В Париже и в Праге полагают, что это испарения Солнца. Федерцони. Гм.

Андреа. Федерцони сомневается в этом.

Федерцони. Уж будьте любезны, оставьте меня в покое. Я сказал "гм", только и всего. Я шлифовальщик линз, я шлифую линзы, а вы смотрите через них на небо, и то, что вы там видите, это вовсе не пятна, а "макулис". Как я могу сомневаться в чем-либо? Сколько раз вам повторять, что я не могу читать книги: они на латыни. (Сердито размахивает весами.)

Одна из чашек падает на пол. Галилей подходит и молча поднимает ее.

Маленький монах. А в сомнении заключено счастье, хоть я и не знаю, почему это так.

Андреа. За последние две недели я каждый солнечный день забирался на чердак, под крышу. Через узкие трещины в дранке падает очень тонкий луч. И тогда можно поймать на лист бумаги перевернутое изображение Солнца. Я видел одно пятно величиной с муху, расплывчатое, как облачко. Оно перемещалось. Почему мы не исследуем пятен, господин Галилей?

Галилей. Потому что мы исследуем плавающие тела.

Андреа. Даже бельевые корзины моей матери уже полны писем. Вся Европа спрашивает о вашем мнении. Ваш авторитет так возрос, что вы не можете молчать.

Галилей. Рим позволил вырасти моему авторитету именно потому, что я молчал.

Федерцони. Но теперь вы уже не можете позволить себе молчать.

Галилей. Но я не могу себе позволить, чтобы меня поджаривали на костре, как окорок.

Андреа. Вы думаете, что пятна как-то связаны с этим делом?

Галилей не отвечает.

Ну что ж, остаемся при наших ледышках. Это вам не повредит.

Галилей. Правильно. Итак - наш тезис, Андреа!

Андреа. Что касается плавания тел, то мы полагаем, что при этом форма тела не имеет значения, а важно лишь то, тяжелее ли это тело, чем вода, или легче.

Галилей. Что говорит Аристотель?

Маленький монах. "Discus latus platiq̄ue..."

Галилей. Переводи, переводи.

Маленький монах. "Широкая и плоская пластина льда может плавать на воде, тогда как железная игла тонет".

Галилей. Почему, согласно Аристотелю, не тонет лед?

Маленький монах. Потому что он широк и плосок и, следовательно, не может разделить воду.

Галилей. Хорошо. (Берет кусок льда и кладет его в лохань.) А теперь я нажимаю на лед, силой опускаю его на дно сосуда. Вот я убираю руки, нажима больше нет. Что происходит?

Маленький монах. Он снова всплывает.

Галилей. Правильно. Видимо, подымаясь, он все же может разделять воду. Не так ли, Фульганцио?

Маленький монах. Но почему же он вообще плавает? Ведь лед тяжелее воды, поскольку он сгущенная вода.

Галилей. А что, если он разжиженная вода?

Андреа. Он должен быть легче воды, иначе бы он не плавал.

Галилей. Вот-вот.

Андреа. Так же как не может плавать железная игла. Все, что легче воды, - плавает, все, что тяжелее, - тонет. Что и требовалось доказать.

Галилей. Андреа, ты должен научиться осторожно мыслить. Дай-ка мне железную иглу и лист бумаги. Ведь железо тяжелее воды, не так ли?

Андреа. Да.

Галилей кладет иглу на лист бумаги и опускает ее на воду.

Пауза.

Галилей. Что происходит?

Федерцони. Игла плавает! Святой Аристотель, ведь его же никогда не проверяли!

Все смеются.

Галилей. Главная причина нищеты наук - почти всегда - их мнимое богатство. Наша задача теперь не в том, чтобы открывать двери бесконечному знанию, а в том, чтобы положить предел бесконечным заблуждениям. Записывайте!

Вирджиния. Что у них там?

Госпожа Сарти. Каждый раз, когда они смеются, я пугаюсь. Думаю - над чем это они смеются?

Вирджиния. Отец говорит: у богословов колокольный звон, а у физиков смех.

Госпожа Сарти. Но я рада, что он по крайней мере теперь не так часто смотрит в свою трубу. Это было еще хуже.

Вирджиния. Теперь он все время лишь кладет куски льда на воду; от этого, пожалуй, не может быть большого вреда.

Госпожа Сарти. Не знаю,

Входит Людовико Марсили в дорожной одежде, сопровождаемый слугой, несущим

поклажу. Вирджиния бежит к нему, обнимает.

Вирджиния. Почему ты не писал, что приедешь?

Людовико. Я был здесь поблизости, осматривал наши виноградники у Бучоле и вот не мог удержаться.

Галилей (близоруко щурясь). Кто это там?

Вирджиния. Людовико!

Маленький монах. Разве вы его не видите?

Галилей. Ах да, Людовико. (Идет к нему навстречу.) Ну как лошади?

Людовико. Отлично, сударь.

Галилей. Сарти, празднуем встречу! Тащи кувшин сицилийского вина, того, старого!

Госпожа Сарти и Андреа уходят.

Людовико (Вирджинии). Ты что-то побледнела. Сельская жизнь пойдет тебе на пользу. Моя мать ждет тебя к сентябрю.

Вирджиния. погоди, я покажу тебе подвенечное платье! (Убегает.)

Галилей. Садись

Людовико. Я слышал, сударь, что ваши лекции в университете слушают теперь больше тысячи студентов. Над чем вы работаете в настоящее время?

Галилей. Обычная повседневная суэта. Ты ехал через Рим?

Людовико. Да. Позвольте, пока не забыл, - мать просила выразить вам свое восхищение по поводу вашей достохвальной сдержанности перед лицом этих оргий с солнечными пятнами, которые затеяли голландцы,

Галилей (сухо). Благодарю.

Госпожа Сартти и Андреа приносят вино и стаканы. Все собираются вокруг стола.

Людовико. В Риме это стало уже притчей во языцех. Кристофер Клавиус высказал опасение, что из-за этих солнечных пятен сейчас может опять начаться балаган с вращением Земли вокруг Солнца.

Андреа. Нечего беспокоиться.

Галилей. Какие еще новости в святом городе, если не считать надежд на мои новые прегрешения?

Людовико. Вы, конечно, знаете, что святейший отец умирает?

Маленький монах. О!

Галилей. Известно, кто будет преемником?

Людовико. Большинство называет Барберини.

Галилей. Барберини.

Андреа. Господин Галилей знаком с Барберини.

Маленький монах. Кардинал Барберини математик.

Федерцони. Ученый на папском престоле!

Пауза.

Галилей. Итак, теперь им нужны такие люди, как Барберини, люди, которые смыслят в математике. Мир приходит в движение. Федерцони, мы еще доживем до времени, когда не придется оплядываться, как преступнику, говоря, что дважды два - четыре. (К Людовика.) Мне это вино по вкусу, что ты скажешь о нем?

Людовико. Хорошее вино.

Галилей. Я знаю этот виноградник. Он на крутом каменистом откосе, и ягоды почти синие. Люблю это вино.

Людовико. Да, сударь.

Галилей. В нем есть легкие оттенки. И оно почти сладкое, но именно только "почти". Андреа, убери все это - лед, лохань и иглу. Я ценю утехи плоти. Я не терплю трусливых душонок, которые называют их слабостями. Я говорю: наслаждаться тоже нужно уметь.

Маленький монах. Что вы хотите делать?

Федерцони. Мы снова начнем балаган с вращением Земли вокруг Солнца.

Андреа (напевает).

Писание гласит: она недвижима; послушно Профессора твердят: она стоять должна. Святой отец схватил ее за уши, Чтоб удержать. Но все же движется она. Андреа, Федерцони и маленький монах спешат к рабочему столу и убирают с

него лишнее.

Андреа. Мы можем обнаружить, что Солнце тоже вращается. Как это понравится тебе, Марсили?

Людовико. Почему такое волнение?

Госпожа Сартти. Ведь вы же не начнете опять возиться с этой чертовщиной, господин Галилей?

Галилей. Теперь я понимаю, почему твоя мать послала тебя ко мне. Барберини - папа! Наука станет страстью и исследования - наслаждением. Клавиус прав, эти солнечные пятна меня очень занимают. Нравится тебе мое вино, Людовико?

Людовико. Я уже сказал вам, сударь.

Галилей. Действительно нравится?

Людовико (сухо, напряженно). Да, нравится.

Галилей. И ты пойдешь настолько далеко, что примешь мое вино и мою дочь, не требуя, чтобы я отказывался от своего призвания? Что общего между моей астрономией и моей дочерью? Фазы Венеры не меняют форм ее ягодиц.

Госпожа Сартти. Не говорите таких гадостей. Я сейчас позову Вирджинию.

Людовико (удерживает ее). Бракосочетания в таких семьях, как моя, заключаются не только на основе плотского влечения.

Галилей. Значит, тебе в течение восьми лет не позволяли жениться на моей дочери, пока я не пройду испытательный срок?

Людовико. Моя супруга должна и в нашей сельской церкви появляться как вполне достойная особа.

Галилей. Ты полагаешь, что твои крестьяне будут решать, платить ли им за аренду или нет, в зависимости от святости их помещицы?

Людовико. В известной мере.

Галилей. Андреа, Федерцони, тащите латунное зеркало и экран! Мы на нем получим отражение Солнца, чтобы пощадить наши глаза. Это твой метод, Андреа.

Андреа и маленький монах принесли зеркало и экран.

Людовико. В свое время в Риме вы дали подписку, сударь, что не будете вмешиваться в споры о вращении Земли вокруг Солнца.

Галилей. Ах вот что! Но тогда у нас был папа-реакционер!

Госпожа Сартти. Был! Ведь его святейшество еще даже не умер!

Галилей. Почти, почти умер. Нанесите на экран сетку меридианов и параллелей. Будем действовать систематически. И тогда уж мы сможем отвечать на их письма. Не так ли, Андреа?

Госпожа Сартти. "Почти"! По пятьдесят раз он взвешивает свои кусочки льда, но слепо верит во все, что ему нравится!

Ученики устанавливают экран.

Людовико. Если его святейшество умрет, господин Галилей, то следующий папа - кто бы он ни был и как бы велика ни была его любовь к наукам - должен будет считаться и с тем, как велика любовь к нему со стороны знатнейших семейств Италии.

Маленький монах. Бог создал физический мир, Людовико; бог создал человеческий мозг; бог разрешит физику.

Госпожа Сартти. Галилео, а теперь послушай меня. Я видела, как мой сын погряз в грехах со всеми этими "экспериментами", "теориями", "наблюдениями", и я ничего не могла поделать. Ты восстал против властей, и они уже однажды тебя предостерегли. Самые высокие кардиналы увещевали тебя, заговаривали, как больного коня. На какое-то время это помогло, но вот два месяца назад, сразу после благовещенья, я тебя поймала на том, как ты украдкой опять начал свои "наблюдения". На чердаке. Я ничего не сказала, но я все поняла. Я побежала в церковь, поставила свечку святому Иосифу. Но это уже выше моих сил. Когда мы бываем с тобой вдвоем, ты рассуждаешь довольно здраво, говоришь, что не должен так себя вести, потому что это опасно. Но стоит тебе дня два повозиться с твоими "экспериментами", и все опять как было. Если уж я лишаю себя вечного блаженства, потому что не расстаюсь с тобой, еретиком, - это мое дело, но ты не имеешь права растаптывать своими ножищами счастье твоей дочери!

Галилей (ворчливо). Принесите телескоп!

Людовико. Джузеппе, отнеси вещи обратно в карету.

Слуга уходит.

Госпожа Сартти. Она этого не вынесет. Можете сами сказать ей! (Убегает, не выпуская из рук кувшина.)

Людовико. Как я вижу, вы уже все приготовили. Господин Галилей... Мы с матерью большую часть года живем в имении в Кампанье и можем засвидетельствовать вам, что наших крестьян никак не беспокоят ваши трактаты о спутниках Юпитера. У них слишком тяжелая работа в поле. Однако их могло бы встревожить, если бы они узнали, что остаются безнаказанными легкомысленные посягательства на священные устои церкви. Не забывайте, что эти жалкие существа в своем полуживотном состоянии все путают. Они ведь почти животные, вы вряд ли даже можете себе это представить. Услышав, будто где-то на яблоне выросла груша, они удирают с работы, чтобы почесать языки.

Галилей (заинтересован). Вот как?

Людовико. Они - животные. Когда они приходят в имение жаловаться на какой-либо вздор, мать вынуждена приказывать, чтобы на их глазах отхлестали бичом одну из собак, чтобы напомнить им о послушании, порядке и вежливости. Господин Галилей, выглядывая из дорожной кареты, вы, может быть, иногда замечали поля цветущей кукурузы. Вы, ни о чем не думая, едите наши оливки и наш сыр и даже не представляете себе, сколько труда нужно, чтобы их получить, какой бдительный надзор требуется.

Галилей. Молодой человек, когда я ем оливки, я вовсе не перестаю при этом думать. (Грубо.) Ты меня задерживаешь. (Кричит ученикам.) Ну что, установили экран?

Андреа. Да, вы идете?

Галилей. Ведь вы хлещете не только собак, добиваясь послушания? Не так ли, Марсили?

Людовико. Господин Галилей, у вас великолепный мозг. Жаль его! Маленький монах (изумленно). Он угрожает вам!

Галилей. Да. Ведь я мог бы смутить его крестьян, возбудить новые мысли у них, у его слуг, у его управителей.

Федерцони. Но как? Ведь никто из них не знает латыни.

Галилей. Я ведь мог бы писать на языке народа, понятном для многих, а не по-латыни для немногих. Для новых мыслей нужны

люди, работающие руками. Кто еще захочет понять причины вещей? Те, кто видит хлеб только на столе, не желают знать о том, как его выпекают. Эта сволочь предпочитает благодарить бога, а не пекаря. Но те, кто делает хлеб, поймут, что ничто в мире не движется, если его не двигать. Твоя сестра, Фульганцио, которая работает у пресса, выжимающего оливки, не станет удивляться и, вероятно, даже посмеется, когда услышит, что Солнце - это не позлащенный герб, а рычаг и что Земля движется потому, что ее двигает Солнце.

Людовико. Вы навсегда останетесь рабом своих страстей. Извинитесь за меня перед Вирджинией - я полагаю, будет лучше, если я ее не увижу.

Галилей. Приданое в вашем распоряжении в любое время.

Людовико. Всего хорошего. (Уходит.)

Андреа. Кланяйтесь от нас всем Марсили!

Федерцони. Которые приказывают Земле стоять неподвижно, чтобы их замки не свалились!

Андреа. И всем Ченчи и Виллани!

Федерцони. И Червилли!

Андреа. И Лекки!

Федерцони. И Пирлеои!

Андреа. Всем, кто целует папе ноги, только если он ими топчет народ!

Маленький монах (у приборов). Новым папой будет просвещенный человек.

Галилей. Итак, мы приступаем к наблюдениям над солнечными пятнами, которые нас интересуют, приступаем на собственный риск и страх, не слишком рассчитывая на покровительство нового папы.

Андреа (прерывает). Но с полной уверенностью в том, что рассеем звездные тени господина Фабрициуса и солнечные испарения, которые придумали в Париже и в Праге, и докажем вращение Солнца.

Галилей. Нет, лишь с некоторой уверенностью, что докажем вращение Солнца. Я вовсе не намерен доказывать, что был прав до сих пор; я хочу проверить, был ли я прав. Я говорю вам: "Оставь надежду всяк сюда входящий" - сюда, где исследуют. Может быть, это испарения, а может быть, и пятна. Но прежде чем мы сочтем их пятнами, как нам больше всего хотелось бы, мы лучше предположим,

что это рыбы хвосты. Да, мы будем все снова и снова подвергать сомнению. И мы не помчимся семимильными шагами в сапогах-скороходах, нет, мы станем продвигаться со скоростью улитки. И то, что мы обнаружим сегодня, мы завтра зачеркнем и только тогда запишем снова, когда обнаружим то же самое еще раз. И особенно недоверчивы мы будем, обнаруживая именно то, чего нам бы хотелось. Итак, мы приступим к наблюдениям над Солнцем с беспощадной решимостью доказать неподвижность Земли! И только если это нам не удастся и мы окажемся полностью и безнадежно разбитыми, то, зализывая раны, в самом печальном состоянии начнем мы спрашивать: а не были ли мы все-таки правы, а не вращается ли все-таки Земля? (Подмигивая.) И если у нас будут расползаться под руками все иные гипотезы, кроме этой, тогда уж никакой пощады тем, кто не исследует, но все же спорит. Снимайте покрывало с трубы и направьте ее на Солнце! (Устанавливает латунное зеркало.)

Маленький монах. Я догадался, что вы уже начали работать. Я понял это, когда вы не узнали господина Марсили.

Молча начинают работать. Когда на экране появляется пылающее отражение

солнца, вбегает Вирджиния в подвенечном платье.

Вирджиния. Отец, ты прогнал его? (Падает без чувств.)

Андреа и маленький монах бегут к ней.

Галилей. Я должен, должен узнать!

Х

В течение последующего десятилетия учение Галилея широко распространилось в

народе. Памфлетисты и уличные певцы подхватывают новые идеи В карнавальную ночь 1632 года во многих городах в оформлении карнавальных

шествий многих гильдий использовались астрономические темы

Полуголодная чета бродячих певцов с пятилетней девочкой и грудным ребенком выходит на рыночную площадь, где толпа ожидает карнавальное шествие. Часть людей в масках. Певцы несут с собой узлы, барабан и другие приспособления.

Уличный певец (бьет в барабан). Почтенные жители, дамы и господа! Перед тем как начнется карнавальное шествие гильдий, мы исполним новейшую флорентийскую песню, которую мы добыли

ценой значительных затрат. Эта песня озаглавлена: "Ужасающие учения и мнения господина придворного физика Галилео Галилея, или Предвосхищение грядущего". (Поэт.)

"Да будет свет!" - провозгласил всевышний {*

И приказал, чтоб солнце с этих пор

Вокруг земли, без проволочки лишней,

Вращалось впредь - и кончен разговор!

Хотел господь, чтоб каждый индивид

Вертелся вокруг того, кто выше чуточку стоит!

И холуи вращаться стали вокруг людей, имевших
вес,

И на земле, сырой и грешной, и в синих заводах
небес!

Вокруг папы зациркулировало кардинальство,

А вокруг кардинальства - епископат,

А вокруг епископата - светское начальство,

А вокруг светского начальства - секретарский
штат,

Городские гласные вокруг секретарского штата,

Вокруг гласных - мешане, ремесленный люд.

А вокруг ремесленников - слуги, куры, и цыплята,

И оборванцы, и псы, которых нищие бьют!

{* Перевод А. Голембы}

Вот это, добрые люди, и есть великий порядок мира, *ordo ordinum*, как говорят господа ученые богословы, *regula aeternis*, закон законов, правило правил. Но что же произошло с ним, представьте себе, добрые люди! (Поэт.)

Вскочил ученый Галилей,

Отбросил святое писание,

Схватил трубу, закусил губу,

Осмотрел сразу все мироздание.

И солнцу сказал: шагу сделать не смей!

Пусть вся вселенная, дрожа,

Найдет иные круги;

Отныне станет госпожа

Летать вокруг прислуги!

Нет, братцы, с Библией я вовсе не шучу!

И так уже от рук прислуга вся отбилась!
Руку на сердце положу и так скажу: я сам теперь
хочу
Начальством быть себе! Не так ли, ваша
милость?

Почтенные жители, ведь такие учения совершенно недопустимы!
(Поет).

Холоп хозяину дерзит,
Собаки разжирели,
А певчий встретить норовит
Заутреню в постели!
Уж это вон из рук! Нет-нет, я не шучу!
И так уже петля душисть нас утомилась!
Руку на сердце положу и так скажу: я сам теперь
хочу
Начальством быть себе! Не так ли, ваша
милость?

Добрые люди, заглянем в грядущее, каким его предсказывает
ученый Галилео Галилей. (Поет.)

Две дамы заохают в рыбном ряду:
- Так можно сойти с ума!
Рыбачка, забыв про простую еду,
Умяла всю рыбу сама!
А каменщик после работы дневной
Подрядчику объявил:
- Я тоже решил поселиться в одной
Из этих прелестных вилл!
Все изменилось вокруг! Нет-нет, я не шучу!
И так уже петля душисть нас утомилась!
Руку на сердце положу и так скажу: я сам теперь
хочу
Начальством быть себе! Не так ли, ваша
милость?
Нога мужичья угостила
Барона в зад пинком;
Детей крестьянка напоила
Поповским молоком!

Нет, братцы, с Библией я вовсе не шучу!
И так уже петля душить нас утомилась!
Руку на сердце положу и так скажу: я сам теперь
хочу
Начальством быть себе! Не так ли, ваша
милость?!

Жена уличного певца. А я на днях у муженька Спросила, не
таясь: Нельзя ли мне вступить пока С другим светилом в связь?

Уличный певец.

Нет! Нет! Нет-нет! Нет-нет! Пусть замолчит
мудрец!

Взбесившемуся псу намордник крепкий нужен!
Но шутки в сторону, признайтесь наконец,
Что с господами мы порой не слишком дружим!

Вместе.

Свой век влача в юдоли бедствий и скорбей,
Воспряньте! Мужество еще не испарилось!

Пусть добрый доктор Галилей

Обучит счастьем вас по азбуке своей:

Мы свой свинцовый крест влачили много дней.

Мы сбросим этот крест! Не так ли, ваша
милость?

Уличный певец. Люди, глядите на необыкновенное открытие
Галилео Галилея! Земля кружится вокруг Солнца! (Неистово бьет в
барабан.)

Жена уличного певца и девочка выступают вперед. Женщина
держит грубое изображение Солнца, а девочка, подымая над головой
тыкву, изображающую Землю, кружится вокруг женщины. Певец
возбужденно указывает на девочку, так, словно она производит
смертельно опасные упражнения каждый раз, когда она передвигается
рывками шаг за шагом в такт ударам барабана. Затем слышен

барабанный бой из глубины сцены.

Низкий голос (кричит). Шествие идет!

Входят два оборванца, они тянут повозку - на ней установлен
карикатурный трон, на котором сидит в картонной короне закутанный
в дерюгу "Великий герцог Флоренции" и смотрит в телескоп. Над
троном на щите надпись: "Высматривает неприятности". За ним идут

четверо мужчин в масках, несущих большой растянутый холст. Они останавливаются и подбрасывают на холсте куклу, изображающую кардинала. В стороне карлик с транспарантом, на котором написано: "Новое время". Из толпы выбирается нищий на костылях, подтягивается на них, пляшет, стуча по земле, и с грохотом падает. Входит на ходулях чучело, изображающее Галилея, раскланивается перед публикой, а перед ним ребенок держит огромную Библию, страницы которой перечеркнуты

крест-накрест.

Уличный певец. Галилео Галилей - разрушитель Библии!

Оглушительный хохот толпы.

XI

1633 год. Инквизиция вызывает всемирно известного исследователя в Рим

Глубина горяча; высота холодна.

В предместьях шум; во дворце тишина.

Прихожая и лестница во дворце Медичи во Флоренции. Галилей и его дочь

ожидают приема у великого герцога.

Вирджиния. Как долго это тянется.

Галилей. Да.

Вирджиния. Вот опять этот человек, который шел сюда за нами. (Указывает на субъекта, который проходит мимо них, не обращая на них внимания.)

Галилей (он плохо видит). Я не знаю его.

Вирджиния. Но я его часто вижу в последние дни. Он пугает меня.

Галилей. Чепуха! Мы во Флоренции, а не среди корсиканских разбойников.

Вирджиния. Идет ректор Гаффоне.

Галилей. Вот его я боюсь. Этот дурак сейчас опять затеет со мной разговор на несколько часов.

Вниз по лестнице спускается господин Гаффоне. Увидев Галилея, он явно

пугается и, отвернувшись, проходит мимо, едва кивнув головой.

Что это с ним? Сегодня я опять плохо вижу. Он вообще-то поздоровался?

Вирджиния. Едва кивнул. Что там написано в твоей книге? Может быть, ее сочли еретической?

Галилей. Ты слишком много слоняешься по церквам. Эти ранние вставания и беганье к утренней мессе совсем испортят цвет лица. Ты что, за меня молишься?

Вирджиния. Вот господин Ванни - владелец литейной, для которого ты делал чертежи плавильной печи, не забудь поблагодарить его за перепелок.

Вниз по лестнице опускается Ванни.

Ванни. Пришлись вам по вкусу перепела, которых я вам послал, господин Галилей?

Галилей. Перепелки были великолепные, еще раз весьма благодарю.

Ванни. А там, наверху, говорили о вас. Считают, что вы ответственны за те памфлеты против Библии, которые недавно продавались повсюду.

Галилей. О памфлетах ничего не знаю. Библия и Гомер - мое любимое чтение.

Ванни. Но если бы даже и так, хочу воспользоваться случаем и заверить вас, что мы, люди промышленные, на вашей стороне. Я не из тех, кто много смыслит в движениях звезд, но для меня вы человек, который борется за свободу обучения новому. Например, тот механический культиватор, изобретенный в Германии, который вы мне описали. Только за один последний год в Лондоне выпустили пять книг по сельскому хозяйству, а мы здесь были бы благодарны хотя бы за одну книжку о голландских каналах. Те же самые господа, что чинят затруднения вам, не разрешают врачам в Болонье вскрывать трупы для исследований.

Галилей. Ваш голос будет услышан, Ванни.

Ванни. Надеюсь. Знаете ли вы, что и в Амстердаме и в Лондоне есть уже особые рынки, на которых продают деньги. Там существуют ремесленные школы. Там постоянно издают печатные новости, так называемые газеты. А здесь у нас нет даже свободы наживать деньги. Здесь возражают против устройства литейных, потому что считают, будто скопление слишком большого числа рабочих в одном месте содействует безнравственности. Я целиком и полностью на стороне таких людей, как вы, господин Галилей. Если против вас попытаются

что-нибудь затеять, то вспомните, пожалуйста, что у вас есть друзья среди всех деловых людей. За вас все города Северной Италии, господин Галилей.

Галилей. Насколько мне известно, никто не собирается предпринимать что-либо против меня.

Ванни. Нет?

Галилей. Нет.

Ванни. А по-моему, в Венеции вы были бы в большей безопасности. Там меньше черных сутан. И оттуда вы могли бы вести борьбу. У меня здесь дорожная карета и лошади, господин Галилей.

Галилей. Я не могу стать беглецом. Я слишком ценю удобную жизнь.

Ванни. Разумеется. Но судя по тому, что я слышал наверху, вам нужно спешить. У меня создалось впечатление, что именно сейчас было бы лучше, если бы вы оказались вне Флоренции.

Галилей. Чепуха! Великий герцог - мой ученик, и к тому же сам папа решительно отвергнет любую попытку сплести для меня петлю, какой бы там повод ни придумали.

Ванни. Кажется, вы не слишком хорошо отличаете друзей от врагов, господин Галилей.

Галилей. Я хорошо отличаю силу от бессилия. (Резко поворачивается и уходит.)

Ванни. Пусть будет так. Желаю вам счастья. (Уходит.)

Галилей (возвращается к Вирджинии). В этой стране каждый обиженный хочет, чтоб я был его ходатаем, и как раз там, где это мне вовсе не на пользу. Я написал книгу о механике вселенной. Вот и все. А что из этого делают или не делают другие, меня не касается.

Вирджиния (громко). Если бы только люди знали, как ты осуждаешь все то, что происходило в последнюю карнавальную ночь.

Галилей. Да, протянув медведю мед, потеряешь и руку, если он голоден.

Вирджиния (тихо). Великий герцог сам пригласил тебя на сегодня?

Галилей. Нет, но я просил известить его, что приду. Он хотел получить книгу. Он заплатил за нее. Найди кого-нибудь из чиновников и пожалуется, что нас заставляют ждать.

Вирджиния (сопровожаемая субъектом, подходит к одному из чиновников дворца). Господин Минчо, его высочество извещен, что мой отец просит его о приеме?

Чиновник. Откуда мне знать?

Вирджиния. Это не ответ.

Чиновник. Вот как?

Вирджиния. Вы обязаны быть вежливым.

Чиновник отворачивается от нее и зевает, покосившись на субъекта.

(Возвращаясь.) Он говорит, что великий герцог еще занят.

Галилей. Я слышал, ты сказала что-то о вежливости. В чем дело?

Вирджиния. Я только поблагодарила его за любезное сообщение. Не мог бы ты просто оставить здесь книгу? Ведь ты зря теряешь время.

Галилей. Я начинаю спрашивать себя, какую цену имеет это время. Может быть, я все же последую приглашению Сагрето и поеду недели на две в Падую. Со здоровьем у меня неважно.

Вирджиния. Ты ведь не сможешь жить без твоих книг.

Галилей. Немного сицилийского вина можно будет в одном-двух ящиках погрузить в карету.

Вирджиния. Ты же всегда говорил, что оно не выносит перевозок. А двор еще должен тебе жалованье за три месяца. Тебе не пошлют этих денег вслед.

Галилей. Да, это правда.

Кардинал-инквизитор спускается по лестнице.

Вирджиния. Кардинал-инквизитор.

Кардинал, проходя, низко кланяется Галилею.

Зачем это кардинал-инквизитор приехал во Флоренцию, отец?

Галилей. Не знаю. Он вежливо поздоровался. Да, я правильно поступил, что уехал тогда во Флоренцию и восемь лет молчал. Они меня так расхвалили, что теперь уж должны принимать меня таким как есть.

Чиновник (громко). Его высочество великий герцог!

Козимо Медичи спускается по лестнице. Галилей идет ему навстречу. Козимо

останавливается, он несколько смущен.

Галилей. Ваше высочество, позвольте мне вручить вам написанные мною диалоги об обеих величайших системах мироздания...

Козимо. Ах да. Как ваши глаза?

Галилей. Неважно, ваше высочество. Если ваше высочество соблаговолит, то моя книга...

Козимо. Состояние ваших глаз меня очень беспокоит, очень беспокоит. Оно свидетельствует о том, что вы, пожалуй, слишком ревностно пользуетесь своей замечательной трубой, не правда ли? (Проходит, не беря книги.)

Галилей. Он не взял книги, да?

Вирджиния (очень взволнованно). Отец, я боюсь.

Галилей (тихо и решительно). Не подавай виду. Отсюда мы пойдем не домой, а к стеклорезу Вольпи. Я условился с ним, чтобы во дворе соседнего трактира постоянно стояла телега с пустыми винными бочками, которая смогла бы увезти меня из города.

Вирджиния. Значит, ты знал...

Галилей. Не оглядывайся.

Идут к выходу.

Важный чиновник (спускается по лестнице). Господин Галилей, мне поручено известить вас о том, что флорентийский двор не в состоянии долее отклонять требования святой инквизиции, которая вызывает вас для допроса в Рим. Карета святой инквизиции ожидает вас, господин Галилей.

XII

Папа

Покой в Ватикане. Папа Урбан VIII (о прошлом кардинал Барберини) принимает кардинала-инквизитора. Во время аудиенции его облачают. Снаружи слышно

шарканье многих ног.

Папа (очень громко). Нет, нет и нет!

Кардинал-инквизитор. Итак, ваше святейшество, вы хотите сказать это всем собравшимся здесь - профессорам всех факультетов, представителям всех святых орденов и всего духовенства, которые пришли сюда, исполненные детской веры в слово божие, изложенное в писании? Они пришли, чтобы получить от вашего святейшества

подтверждение своей веры, - и вы хотите им сказать, что писание больше нельзя считать истинным?

Папа. Я не позволю разбить аспидную доску. Нет!

Кардинал-инквизитор. Что речь идет об аспидной доске, а не о духе мятежа и сомнения - так говорят эти люди. Но дело обстоит иначе. Ужасное беспокойство проникло в мир. И это беспокойство, царящее в их собственных умах, они переносят на неподвижную Землю. Они кричат, что их вынуждают числа. Но откуда эти числа? Любому известно, что они порождены сомнением. Эти люди сомневаются во всем. Неужели же нам строить человеческое общество на сомнении, а не на вере: "Ты мой господин, но я сомневаюсь, хорошо ли это. Это твой дом и твоя жена, но я сомневаюсь, не должны ли они стать моими". А тут еще и общеизвестная любовь вашего святейшества к искусству. Этой любви мы обязаны столькими прекрасными коллекциями, но она встречает совершенно издевательское толкование. На стенах домов здесь в Риме появляются надписи: "То, что варвары оставили Риму, грабят теперь Барберини". А за границей? Господу угодно подвергнуть святой престол тяжелым испытаниям. Испанская политика вашего святейшества непонятна для людей недостаточно проницательных, они сожалеют о ваших раздорах с императором. Вот уже полтора десятка лет, как вся Германия превращена в бойню, люди убивают друг друга с цитатами из Библии на устах. И вот теперь, когда вследствие чумы, войн и Реформации число истинных христиан сократилось до нескольких маленьких кучек, в Европе распространяются слухи, что вы заключаете тайный союз с лютеранами-шведами, чтобы ослабить императора-католика. В то же самое время эти математики, эти жалкие черви, направляют свои трубы на небо и сообщают миру, что, оказывается, и здесь, в последнем пространстве, которого у вас еще никто не оспаривал, вы тоже не слишком сильны. Спрашивается, откуда этот внезапный интерес к такой отвлеченной науке, как астрономия? Не все ли равно, как именно вращаются эти шары? Но тем не менее вся Италия вплоть до последнего конюха заражена дурным примером этого флорентийца и болтает о фазах Венеры. Пока еще никто из них не задумывается о других вещах. Ведь многое в жизни для них в тягость. Много такого, что освящено церковью. Но что же произошло бы, если бы все они, необузданные, грешные, стали

верить только своему разуму? А ведь этот безумец объявляет единственным верховным судьей именно разум. Усомнившись однажды в том, что Солнце остановилось по велению Иисуса Навина, они обратили бы свои грязные сомнения и на церковные сборы. С тех пор как они стали ездить по морям - впрочем, я ничего не имею против этого, - они уже полагаются не на господа бога, а на медную коробку, которую называют компасом. Этот Галилей, еще будучи юношей, писал о машинах. С помощью машин они хотят творить чудеса. Какие чудеса? Бог, во всяком случае, им уже не нужен, но какие же это должны быть чудеса? Например, не будет больше различия между верхом и низом. Они в этом больше не нуждаются. Аристотель, с которым они, кстати говоря, обращаются как с дохлой собакой, сказал - и это они цитируют, - что если бы ткацкий челнок сам ткал и цитра сама играла, то мастеру не нужны были бы подмастерья и господам не нужны были бы слуги. И вот сейчас им кажется, что они уже достигли этого. Этот негодный человек знает, что делает, когда пишет свои астрономические труды не на латыни, а на языке торговков рыбой и торговцев шерстью.

Папа. Это свидетельствует об очень плохом вкусе. Я скажу ему.

Кардинал-инквизитор. Он подстрекает одних и подкупает других. В портовых городах Северной Италии мореплаватели все настойчивее требуют звездные карты господина Галилея. Им придется уступить; это деловые интересы.

Папа. Но ведь эти карты основаны на его еретических утверждениях. Речь идет именно о движении некоторых созвездий, о движении, которое оказывается невозможным, если отрицать его учение. Нельзя же предать проклятию его учение и принять его звездные карты.

Кардинал-инквизитор. Почему же нет? Иначе поступить мы и не можем.

Папа. Это шарканье действует мне на нервы. Простите, что я все прислушиваюсь.

Кардинал-инквизитор. Может быть, это скажет вам больше, чем могу сказать я, ваше святейшество. Неужели все они должны уйти отсюда, унося в сердцах сомнение?

Папа. Но, в конце концов, ведь этот человек - величайший физик нашего времени, светоч Италии, а не какой-нибудь путаник. У него

есть друзья: версальский двор, венский двор. Они скажут, что святая церковь стала выгребной ямой для гнилых предрассудков. Нет, руки прочь от него!

Кардинал-инквизитор. Практически нам не придется заходить слишком далеко. Он человек плоти. Он немедленно уступит.

Папа. Да, он склонен к земным наслаждениям больше, чем кто-либо другой из известных мне людей. Он и мыслит сластолюбиво. Он не может отвергнуть ни старое вино, ни новую мысль. Однако я не хочу осуждения научных данных. Я не хочу, чтобы звучали враждебные боевые кличи: "За церковь!" и "За разум!". Я разрешил ему издать книгу, поставив одно условие, чтобы в конце было указано, что последнее слово принадлежит все же не науке, а вере. Он выполнил это условие.

Кардинал-инквизитор. Но как? В его книге спорят глупец, который, конечно, защищает воззрения Аристотеля, и умный человек, конечно, представляющий господина Галилея. И кто же, ваше святейшество, как вы думаете, произносит это заключительное суждение?

Папа. Что еще за новости! Кто же выражает наше мнение?

Кардинал-инквизитор. Уж конечно, не умный человек.

Папа. Какова наглость! Однако этот топот невыносим. Что там, весь свет собрался?

Кардинал-инквизитор. Не весь, но его лучшая часть.

Пауза.

Папа (уже в полном облачении). В самом крайнем случае пусть ему только покажут орудия.

Кардинал-инквизитор. Этого будет достаточно, ваше святейшество. Господин Галилей ведь разбирается в орудиях.

XIII

Галилео Галилей отрекается от своего учения о вращении Земли по требованию

инквизиции 22 июня 1633 года

День тот июньский скоро угас,

А был он так важен для вас и для нас.

Разум вышел из мрака вперед

И стоял у дверей весь тот день напролет.

Дворец флорентийского посла в Риме. Ученики Галилея ожидают известий. Маленький монах и Федерцони играют в шахматы по-новому (делая ходы через всю

доску). В углу Вирджиния на коленях читает молитву.

Маленький монах. Папа его не принял. Теперь с учеными диспутами покончено.

Федерцони. В этом была его последняя надежда. Да, правдой оказалось то, что он ему сказал много лет тому назад в Риме, когда еще был кардиналом Барберини: ты нам нужен. Теперь они его заполучили.

Андреа. Они убьют его. "Беседы" останутся недописанными.

Федерцони (смотрит на него искоса). Ты думаешь?

Андреа. Да, потому что он никогда не отречется.

Пауза.

Маленький монах. Когда по ночам не спится, в голову лезут всегда какие-то посторонние мысли. Сегодня ночью, например, я все время думал о том, что ему не нужно было покидать Венецианскую республику.

Андреа. Там он не мог бы написать свою книгу.

Федерцони. А во Флоренции он не смог ее издать.

Пауза.

Маленький монах. И еще я думал - оставят ли они ему его камешек, который он все время носит в кармане. Его камень для доказательств.

Федерцони. Там, куда они его уведут, носят одежду без карманов.

Андреа (кричит). Они не осмелятся! Но даже если так, он не отречется. "Кто не знает истины, тот просто глуп, но кто знает истину и называет ее ложью, тот преступник".

Федерцони. Я тоже не верю этому, и я не хотел бы жить, если он поступит так. Но ведь у них сила.

Андреа. Не все можно сделать силой.

Федерцони. Может быть.

Маленький монах (шепотом). Он просидел в тюрьме двадцать три дня. Вчера его вызывали для большого допроса, а сегодня заседание. (Заметив, что Андрей прислушивается, говорит громче). Когда я пришел к нему сюда в тот раз, через два дня после декрета, мы сидели вон там, и он показал мне на маленькую статую Приапа в саду,

у солнечных часов, - вон она видна отсюда, и он сравнивал свой труд со стихотворением Горация, в котором тоже ничего нельзя изменить. Он говорил о своем чувстве красоты, которое побуждает его искать истину. И он вспомнил девиз: *Hieme et aestate, et prope et procul, usque dum vivam et ultra* {Зимой и летом, вблизи и вдали, пока я живу и после смерти (лат.)}. И он подразумевал искания истины.

Андреа (обращаясь к маленькому монаху). Ты рассказывал ему, как он стоял перед римской коллегией, когда они испытывали его трубу? Расскажи ему!

Маленький монах качает головой.

Он был таким же, как всегда. Уперся руками в свои окорока, выпятил брюхо и заявил: "Я прошу вас быть разумными, господа". (Смеется, копирует Галилея.)

Пауза.

(Показывает на Вирджинию.) Она молится, чтобы он отрекся.

Федерцони. Оставь ее. Она совсем запуталась с тех пор, как они с ней поговорили. Они вызвали сюда из Флоренции ее исповедника.

Входит субъект, который следил за Галилеем во дворце великого герцога

Флоренции.

Субъект. Господин Галилей скоро прибудет сюда; ему может понадобиться постель.

Федерцони. Его отпустили?

Субъект. Ожидается, что в пять часов господин Галилей выступит на заседании инквизиции с отречением. Тогда зазвонят в большой колокол собора Святого Марка и текст отречения будет прочтен всенародно.

Андреа. Я не верю этому.

Субъект. Ввиду большого скопления людей на улицах господина Галилея проведут через садовую калитку позади дворца. (Уходит.)

Андреа (внезапно повышая голос). Луна это Земля, и она не имеет собственного света. И Венера тоже не имеет собственного света. И тоже подобна Земле и движется вокруг Солнца. А четыре луны вращаются вокруг Юпитера, который находится на высоте неподвижных звезд, но не прикреплен ни к какой сфере. И Солнце является центром вселенной, и оно неподвижно, а Земля - не центр и не неподвижна. И показал нам это он.

Маленький монах. И никакое насилие не может сделать невидимым то, что уже было увидено.

Молчание.

Федерцони (глядит в окно на солнечные часы в саду). Пять часов.

Вирджиния молится громче.

Андреа. Я не могу больше ждать! Слышите, они обезглавливают истину.

Андреа и маленький монах зажимают уши. Но звона колокола не слышно. После короткой паузы, заполненной бормотанием Вирджинии, Федерцони отрицательно

качает головой. Андреа и маленький монах опускают руки.

Федерцони (хрипло). Ничего. Уже три минуты шестого.

Андреа. Он устоял!

Маленький монах. Он не отрекся.

Федерцони. Нет. Какое счастье!

Они обнимаются. Они безмерно счастливы.

Андреа. Не все можно сделать насилием! Насилие не всевластно. Итак, плусть можно победить; она не так уж неуязвима! Итак, человек не боится смерти.

Федерцони. Вот теперь действительно начинается время науки. Это час ее рождения. Подумайте только, если бы он отрекся!

Маленький монах. Я не говорил об этом. Но я так боялся. О, я маловер!

Андреа. А я знал это.

Федерцони. Если бы он отрекся, это все равно что если бы после утра опять наступила ночь.

Андреа. Если бы скала назвала себя водой,

Маленький монах (становится на колени и плачет). Господи, благодарю тебя!

Андреа. Но сегодня все изменилось! Человек поднимает голову. Измученный страданиями, он говорит: я могу жить. Какая победа достигнута тем, что один человек сказал - нет!

В это мгновение раздается звон большого колокола собора Святого Марка.

Все стоят оцепенев.

Вирджиния (подымается). Колокол Святого Марка! Он спасен, он не проклят!

С улицы доносится голос герольда, читающего отречение Галилея.

Голос герольда. "Я, Галилей, учитель математики и физики во Флоренции, отрекаюсь от того, что я утверждал: что Солнце является центром вселенной и неподвижно на своем месте и что Земля не является центром и не является неподвижной. Я отрекаюсь от этого, отвергаю и проклинаяю с чистым сердцем и нелицемерной верою все эти заблуждения и ереси, равно как и все заблуждения и любое иное мнение, которое противоречит святой церкви".

Наступает тьма.

Когда снова становится светло, все еще слышен звон колокола, затем он

прекращается. Вирджиния вышла. Ученики Галилея остались.

Федерцони. Он никогда не платил тебе за работу как следует. Ты не мог купить себе штанов, не мог сам печататься. Ты все терпел, потому что ведь это была "работа для науки".

Андреа (громко). Несчастлива та страна, у которой нет героев!

Входит Галилей. Он почти до неузнаваемости изменился за время процесса. Он слышал слова Андреа. Несколько мгновений, стоя в дверях, он ждет, что с ним поздороваются. Но ученики отступают от него, и он идет медленно,

неуверенными шагами, так как плохо видит; подходит к стулу и садится.

Я не могу смотреть на него. Пусть он уйдет.

Федерцони. Успокойся.

Андреа (кричит Галилею). Винный бурдюк! Обжора! Спас свою драгоценную шкуру? (Садится.) Мне худо.

Галилей (спокойно). Дайте ему стакан воды.

Маленький монах приносит Андреа стакан воды. Никто не обращает внимания на Галилея, который, молча прислушиваясь, сидит на стуле. Издалека слышен

опять голос герольда.

Андреа. Теперь я могу идти, если вы мне поможете.

Они ведут его к двери. Голос Галилея останавливает их.

Галилей. Нет! Несчастлива та страна, которая нуждается в героях.

Перед опущенным занавесом читают:

"Разве не ясно, что лошадь, упав с высоты в три или четыре локтя, может сломать себе ноги, тогда как для собаки это совершенно безвредно, а кошка без всякого ущерба падает с высоты в восемь или десять локтей, стрекоза - с верхушки башни, а муравей мог бы даже с Луны. И так же как маленькие животные сравнительно сильнее и крепче, чем крупные, так же и маленькие растения более живучи. И теперь, я полагаю, господа, вы понимаете, что дуб высотой в двести локтей не мог бы обладать ветвями в такой же пропорции, как дуб меньшего размера, и природа не могла бы создать лошадь, которая была бы величиной в двадцать лошадей, или великана в десять раз большего, чем обычный человек, без того, чтобы не изменить пропорции всех членов, особенно костей, которые должны быть укреплены во много раз больше, чем это обычно для нормальной пропорциональной величины. Общепринятое мнение, что большие и малые машины одинаково прочны, очевидно, является заблуждением".

Галилей. "Discorsi"

XIV

1633-1642. Галилео Галилей живет в загородном доме вблизи Флоренции, вплоть

до своей смерти оставаясь пленником инквизиции.

"Discorsi"

С тысяча шестьсот тридцать третьего до

тысяча шестьсот сорок второго года

Галилео Галилей

Был пленником церкви до дня смерти своей.

Большая комната, в ней стол, кожаное кресло, глобус. Галилей, одряхлевший и полуслепой, очень тщательно производит опыт с деревянным шариком на изогнутом деревянном желобе. В передней сидит на страже монах. Стук в ворота. Монах отворяет, входит крестьянин, несущий двух ошипанных гусей. Из

кухни выходит Вирджиния. Ей теперь примерно сорок лет.

Крестьянин. Белено их здесь отдать. Вирджиния. От кого это? Я не заказывала гусей.

Крестьянин. Велено сказать - от проезжего. (Уходит.)

Вирджиния изумленно смотрит на гусей. Монах берет их, недоверчиво осматривает и ощупывает. Потом, успокоенный, возвращает. Вирджиния идет к

Галилею, неся гусей за шеи.

Вирджиния. Какой-то проезжий передал тебе подарок.

Галилей. Что именно?

Вирджиния. Разве ты не видишь?

Галилей. Нет. (Подходит.) Гуси. Кто прислал, не сказано?

Вирджиния. Нет.

Галилей (берет одного гуся в руки). Тяжелый. Я бы съел еще кусочек гуся.

Вирджиния. Ты не мог уже проголодаться. Ведь ты только что ужинал. И что это опять с твоими глазами? Неужели ты даже иа таком расстоянии не видишь?

Галилей. Ты стоишь в тени.

Вирджиния. Вовсе я не стою в тени. (Уходит в переднюю, унося гусей.)

Галилей. Не забудь к нему тмину и яблок. Вирджиния (монаху). Необходимо послать за глазным врачом. Отец, стоя у стола, не смог увидеть гусей.

Монах. Пусть сначала монсиньор Карпула даст мне на это разрешение. Он опять сам писал?

Вирджиния. Нет. Он диктовал мне свою книгу, вы же знаете это. Вы уже получили страницы сто тридцать первую и сто тридцать вторую; это были последние.

Монах. Он старая лиса.

Вирджиния. Он не делает ничего, что противоречило бы предписаниям. Он раскаялся совершенно искренне. Я слежу за ним. (Отдает ему гусей.) Скажите там, на кухне, чтоб печенки поджарили, добавив одно яблоко и одну луковицу. (Проходит в большую комнату.) А теперь мы подумаем о наших глазах и быстренько перестанем возиться с этим шариком и продиктуем еще кусочек нашего еженедельного письма архиепископу.

Галилей. Я себя не совсем хорошо чувствую. Почитай мне немного из Горация.

Вирджиния. Только на прошлой неделе монсиньор Карпула, которому мы столь многим обязаны, - на днях он опять прислал овощи, - говорил мне, что архиепископ каждый раз его спрашивает, как тебе нравятся вопросы и цитаты, которые он тебе посылает. (Села, приготовилась писать под диктовку.)

Галилей. На чем я остановился?

Вирджиния. Раздел четвертый: что касается отношения святой церкви к беспорядкам в арсенале Венеции, то я полностью согласен с мнением кардинала Сполетти относительно мятежных канатчиков...

Галилей. Да. (Диктует.) Согласен с мнением кардинала Сполетти относительно мятежных канатчиков, а именно, что куда лучше выдавать им во имя христианской любви к ближнему похлебку, чем -платить им больше денег за канаты для колоколов. Поелику представляется более мудрым взамен их корысти укреплять их веру. Апостол Павел говорит: "благотвори с радушием". Ну как, тебе нравится?

Вирджиния. Это чудесно, отец.

Галилей. А тебе не кажется, что в этом можно усмотреть иронию?

Вирджиния. Нет, архиепископ будет очень рад. Он такой практичный.

Галилей. Я полагаюсь на твое суждение, Что там еще?

Вирджиния. Прекрасное изречение: "Когда я слаб - тогда я силен".

Галилей. Толкования не будет.

Вирджиния. Но почему же?

Галилей. Что там еще?

Вирджиния. "...И уразуметь превосходящую разумение любовь Христову...". Послание апостола Павла к эфессянам, глава третья, стих девятнадцатый.

Галилей. Особенно благодарен я вашему преосвященству за дивную цитату из послания к эфессянам. Побуждаемый ею, я нашел в несравненном творении святого Фомы "Подражание Христу" (цитирует наизусть): "Он, кому глаголет вечное слово, свободен от многих расспросов". Смею ли я по сему поводу обратиться к вам по личному делу? Меня все еще попрекают за то, что некогда я написал книгу о небесных телах на языке простонародья. Но ведь это отнюдь не означало, что я тем самым хотел предложить, чтобы и книги на значительно более важные темы, такие, как, например, богословие, также писались на наречии продавцов макарон. Объясняя необходимость богослужения по-латыни, обычно говорят, что благодаря всеобщности этого языка все народности слушают одну и

ту же святую мессу. Но такая аргументация представляется мне не совсем удачной, ибо дерзкие насмешники могли бы возразить, что, таким образом, ни одна из народностей не понимает смысла слов. Я, однако, считаю, что священные предметы вовсе и не должны быть общепонятны и всем доступны. Латынь, звучащая с амвона, оберегает вечные истины церкви от любопытства непосвященных, пробуждает к себе доверие, когда произносится священниками выходцами из низших сословий, - с интонациями местного говора... Нет, вычеркни это...

Вирджиния. Все вычеркнуть?

Галилей. Все после слов "продавцов макарон".

В ворота стучат. Вирджиния выходит в переднюю. Монах открывает. Входит

Андреа Сарти. Теперь он уже мужчина средних лет.

Андреа. Добрый вечер. Я уезжаю из Италии, чтобы вести научную работу в Голландии; меня просили посетить его, чтобы я мог сообщить о "ем.

Вирджиния. Не знаю, захочет ли он тебя видеть. Ведь ты никогда не приходил. Андреа. Спроси его.

Галилей узнал голос Андреа. Сидит неподвижно. Вирджиния входит к нему.

Галилей. Это Андреа?

Вирджиния. Да. Сказать ему, чтоб уходил?

Галилей (после паузы). Веди его сюда.

Вирджиния вводит Андреа.

Вирджиния (монаху). Он не опасен. Он был его учеником. А теперь он его враг.

Галилей. Оставь нас вдвоем, Вирджиния.

Вирджиния. Я тоже хочу послушать, что он расскажет. (Садится.)

Андреа (холодно). Как вы поживаете?

Галилей. Подойди ближе. Чем ты занимаешься? Расскажи о своей работе. Я слышал, ты занимаешься гидравликой.

Андреа. Фабрициус из Амстердама поручил мне узнать, как вы себя чувствуете.

Пауза.

Галилей. Я чувствую себя хорошо. Мне уделяют много внимания.

Андреа. Меня радует, что я могу сообщить о том, что вы чувствуете себя хорошо.

Галилей. Фабрициус будет рад услышать это. Можешь сказать ему, что я живу с достаточными удобствами. Глубиной моего раскаяния я заслужил благорасположение моих руководителей настолько, что мне разрешено в известной мере вести научные работы под духовным надзором.

Андреа. Да, мы тоже слышали, что церковь довольна вами. Ваше полное подчинение подействовало. Уверяют, что церковные власти с удовлетворением отметили, что, с тех пор как вы покорились, в Италии не было опубликовано ни одной работы с новыми утверждениями.

Галилей (прислушиваясь). К сожалению, существуют и такие страны, которые уклоняются от покровительства церкви. Я опасаясь, что эти осужденные учения продолжают развиваться там.

Андреа. И там ваше отречение также вызвало такие последствия, которые весьма радуют церковь.

Галилей. Вот как?

Пауза.

Ничего нового у Декарта? В Париже?

Андреа. Есть новое. Узнав о вашем отречении, Декарт спрятал в ящик свой трактат о природе света.

Продолжительная пауза.

Галилей. Я все беспокоюсь о тех моих ученых друзьях, которых я некогда увлек на неверный путь. Надеюсь, что их вразумило мое отречение?

Андреа. Чтобы иметь возможность вести научную работу, я намерен уехать в Голландию. То, чего себе не позволяет Юпитер, того, уж наверно, нельзя позволить быку.

Галилей. Понимаю.

Андреа. Федерцони опять шлифует линзы в какой-то миланской лавке.

Галилей (смеется). Он не знает латыни.

Пауза.

Андреа. Фульганцио, наш маленький монах, отказался от науки и вернулся в лоно церкви.

Галилей. Да.

Пауза.

Мои руководители предвидят, что скоро у меня наступит полное душевное оздоровление. Я делаю более значительные успехи, чем предполагалось.

Андреа. Так.

Вирджиния. Слава и благодарение господу!

Галилей (грубо). Погляди, как там гуси, Вирджиния.

Вирджиния, рассерженная, выходит. Монах заговаривает с ней, когда она

проходит мимо него.

Монах. Этот человек мне не нравится.

Вирджиния. Он не опасен. Вы же слышите сами. Мы получили свежий козий сыр. (Уходит.)

Монах идет вслед за ней.

Андреа. Мне предстоит ехать всю ночь, чтобы завтра на рассвете пересечь границу. Могу я уйти?

Галилей. Я не знаю, зачем ты пришел, Сарти. Чтобы растревожить меня? Я живу осторожно и думаю осторожно с тех пор, как очутился здесь. Но все же бывает, что вдруг примусь за старое.

Андреа. Я не хотел бы вас волновать, господин Галилей.

Галилей. Барберини сказал, что это прилипчиво, как чесотка; он и сам не избежал этого. Я опять писал.

Андреа. Да?

Галилей. Я закончил книгу "Беседы".

Андреа. Ту самую? "Беседы о двух новых отраслях науки: механика и падение тел"? Здесь?

Галилей. Мне дают бумагу и перья. Мои руководители не глупцы. Они знают, что укоренившиеся пороки нельзя истребить за один день. Они оберегают меня от вредных последствий, забирая и пряча каждую новую страницу.

Андреа. О господи!

Галилей. Что ты сказал?

Андреа. Значит, вам позволяют пахать воду! Вам предоставляют бумагу и перья, чтобы вы были спокойны! И как же вы только могли писать, зная, "уда это идет?"

Галилей. О, я ведь раб моих привычек.

Андреа. "Беседы" в руках монахов! А в Амстердаме, в Лондоне, в Праге так жаждут их иметь!

Галилей. Да, мне кажется, что я слышу, как там скулит Фабрициус, требуя свою долю; сам-то он в Амстердаме в безопасности.

Андреа. Две новые отрасли науки все равно что утрачены!

Галилей. Однако и Фабрициуса и других несомненно ободрит, если они узнают, что я рискнул последними жалкими остатками своих удобств и снял копию, так сказать, тайком от самого себя, используя малые толики света, в лунные ночи последних шести месяцев.

Андреа. У вас есть копия?

Галилей. Мое тщеславие до сих пор удерживало меня от того, чтобы ее уничтожить.

Андреа. Где она?

Галилей. "Если твое око соблазняет тебя, вырви его". Кто бы ни написал это, он понимал жизнь лучше, чем я. Мне кажется, что было бы верхом плузости отдать эту рукопись. Но раз я уж так и не сумел удержаться от научной работы, то вы могли бы ее получить. Рукопись лежит в глобусе. Если ты решишься увезти ее в Голландию, ты, разумеется, примешь на себя всю ответственность. В случае чего ты скажешь, что купил ее у кого-то, кто имел доступ к оригиналу, хранящемуся в святейшей коллегии.

Андреа (подошел к глобусу. Достает рукопись). "Беседы"! (Перелистывает рукопись. Читает.) "Мое намерение заключается в том, чтобы создать новую науку, занимающуюся очень старым предметом - движением. С помощью опытов я открыл некоторые свойства, которые заслуживают того, чтобы о них знали".

Галилей. Что-то же мне нужно было делать со своим временем.

Андреа. Это станет основанием новой физики.

Галилей. Спрячь за пазуху.

Андреа. А мы думали, что вы переметнулись. И я громче всех обвинял вас!

Галилей. Так и следовало. Я учил тебя науке, и я же отверг истину.

Андреа. Это меняет все. Все.

Галилей. Да?

Андреа. Вы спрятали истину. Спрятали от врага. Да, и в нравственности вы на столетия опередили нас.

Галилей. Объясни это, Андреа.

Андреа. Мы рассуждали так же, как люди толпы: "Он умрет, но не отречется". Но вместо этого вы вышли из тюрьмы: "Я отрекся, но буду жить". Мы сказали: "Ваши руки замараны". Вы ответили: "Лучше замараны, чем пусты".

Галилей. "Лучше замараны, чем пусты"! Звучит реалистически. Звучит по-моему. Новой науке - новая нравственность.

Андреа. Я первым должен был бы понять это! Мне было одиннадцать лет, когда вы продали венецианскому сенату подзорную трубу, изобретенную другим. И я видел, как вы нашли для этого же прибора бессмертное применение. Ваши друзья качали головой, когда вы склонялись перед мальчишкой во Флоренции, а наука приобрела аудиторию. Ведь вы всегда смеялись над героями. Вы говорили: "Страдальцы нагоняют на меня скуку". Вы говорили: "Несчастье проистекает из неправильных расчетов" и "Когда имеешь дело с препятствиями, то кратчайшим расстоянием между двумя точками может оказаться кривая".

Галилей. Да, я припоминаю.

Андреа. И когда, в тридцать третьем году, вы сочли нужным отречься от одного популярного тезиса вашего учения, я должен был понять, что вы просто отстранялись от безнадежной политической драки, с тем чтобы продолжать ваше настоящее дело - науку.

Галилей. Которая заключается...

Андреа. ...в изучении свойств движения, являющегося матерью машин; именно они сделают землю такой благоустроенной, что можно будет отказаться от неба.

Галилей. Вот именно!

Андреа. Вы обрели время, чтобы создать научный труд, который могли создать только вы. Если бы вы погибли в огненной славе костра, то победителями были бы они.

Галилей. Они и есть победители. И нет таких научных трудов, которые мог бы создать только один человек.

Андреа. Почему же вы тогда отреклись?

Галилей. Я отрекся потому, что боялся пыток.

Андреа. Нет!

Галилей. Они показали мне орудия.

Андреа. Значит, не было обдуманного расчета?

Галилей. Не было.

Пауза.

Андреа (громко). Наука знает только одно мерило - вклад в науку.

Галилей. И я внес этот вклад. Добро пожаловать в сточную канаву, мой брат по науке и кум по измене! Ты ешь рыбу? Есть у меня и рыба. Но воняет здесь не от рыбы, это я сам провонял. Я продаю, ты покупаешь. Вот он, священный товар, перед которым нельзя устоять, - книга! При виде ее текут слюни, в них тонут проклятия. Великая вавилонская блудница, мерзостная смертоубийственная тварь разверзает чресла, и все становится иным. Да будет свято наше мошенническое, всеобеляющее, одержимое страхом смерти содружество!

Андреа. Страх смерти свойствен человеку! Человеческие слабости не имеют отношения к науке.

Галилей. Нет?! Дорогой мой Сартри, даже в моем нынешнем состоянии я все же чувствую себя способным дать вам несколько указаний о том, что имеет отношение к науке, которой вы себя посвятили.

Короткая пауза.

(Сложив руки на животе, говорит поучающим академическим тоном.) В свободные часы - у меня теперь их много - я размышлял над тем, что со мной произошло, и думал о том, как должен будет оценить это мир науки, к которому я сам себя уже не причисляю. Даже торговец шерстью должен заботиться не только о том, чтобы самому подешевле купить и подороже продать, но еще и о том, чтобы вообще могла вестись беспрепятственно торговля шерстью. Поэтому научная деятельность, как представляется мне, требует особого мужества. Наука распространяет знания, добытые с помощью сомнений. Добывая знания обо всем и для всех, она стремится всех сделать сомневающимися. Но князья, помещики и духовенство погружают большинство населения в искрящийся туман - туман суеверий и старых слов, - туман, который скрывает темные делишки власть имущих. Нищета, в которой прозябает большинство, стара, как горы, и с высоты амвонов и кафедр ее объявляют такой же неразрушимой, как горы. Наше новое искусство сомнения восхитило множество людей. Они вырвали из наших рук телескоп и направили его на своих угнетателей. И эти корыстные насильники, жадно присваивавшие

плоды научных трудов, внезапно ощутили холодный, испытующий взгляд науки, направленный на тысячелетнюю, но искусственную нищету. Оказалось, что ее можно устранить, если устранить угнетателей. Они осыпали нас угрозами и взятками, перед которыми не могут устоять слабые души. Но можем ли мы отступить от большинства народа и все же оставаться учеными? Движения небесных тел теперь более легко обозримы; но все еще непостижимы движения тех, кто властвует над народами. Благодаря сомнению выиграна борьба за право измерять небо. Но благодаря слепой вере римская домохозяйка все время проигрывает борьбу за молоко. Однако, Сарти, та и другая борьба связаны с наукой. Человечество, бредущее в тысячелетнем искристом тумане, слишком невежественное, чтобы полностью использовать собственные силы, не сможет использовать и тех сил природы, которые раскрываете перед ним вы. Ради чего же вы трудитесь? Я полагаю, что единственная цель науки - облегчить трудное человеческое существование. И если ученые, запуганные своекорыстными властителями, будут довольствоваться тем, что накапливают знания ради самих знаний, то наука может стать калекой и ваши новые машины принесут только новые тяготы. Со временем вам, вероятно, удастся открыть все, что может быть открыто, но ваше продвижение в науке будет лишь удалением от человечества. И пропасть между вами и человечеством может оказаться настолько огромной, что в один прекрасный день ваш торжествующий клич о новом открытии будет встречен всеобщим воплем ужаса. Я был ученым, который имел беспримерные и неповторимые возможности. Ведь именно в мое время астрономия вышла на рыночные площади. При этих совершенно исключительных обстоятельствах стойкость одного человека могла бы вызвать большие потрясения. Если б я устоял, то ученые-естествоиспытатели могли бы выработать нечто вроде Гиппократовой присяги врачей - торжественную клятву применять свои знания только на благо человечества! А в тех условиях, какие создались теперь, можно рассчитывать - в наилучшем случае - на породу изобретательных карликов, которых будут нанимать, чтобы они служили любым целям. И к тому же я убедился, Сарти, что мне никогда не грозила настоящая опасность. В течение нескольких лет я был так же силен, как и власти. Но я отдал свои знания власть имущим, чтобы те их употребили, или

не употребили, или злоупотребили ими - как им заблагорассудится - в их собственных интересах.

Вирджиния вошла с миской и остановилась в дверях.

Я предал свое призвание. И человека, который совершает то, что совершил я, нельзя терпеть в рядах людей науки.

Вирджиния. Зато теперь ты принят в ряды верующих. (Проходит в комнату, ставит миску на стол.)

Галилей. Правильно. А теперь мне пора есть.

Андреа протягивает ему руку. Галилей видит ее, но не пожимает.

Ты сам уже стал учителем. Как же ты можешь себе позволить пожать такую руку, как моя! (Идет к столу.) Какой-то проезжий прислал мне двух гусей. Я все еще люблю поесть.

Андреа. И вы теперь уже не думаете, что наступило новое время?

Галилей. Все-таки оно наступило. Будь осторожен, когда поедешь через Германию с истиной за пазухой.

Андреа (не в силах уйти). Что касается вашей, оценки автора, о котором мы сейчас говорили, я не знаю, что вам ответить. Но я не могу поверить в то, что ваш убийственный анализ останется последним словом.

Галилей. Благодарю, сударь. (Начинает есть.)

Вирджиния (проводя Андреа). Нам не очень приятны посещения старых знакомых. Они волнуют его.

Андреа уходит. Вирджиния возвращается.

Галилей. Как ты думаешь, кто прислал этих гусей?

Вирджиния. Не Андреа.

Галилей. Может быть, и не он. Какова ночь сегодня?

Вирджиния (у окна). Светлая.

XV

1537 год. Книга Галилея "Discorsi" переправлена через итальянскую границу

Поймите, люди, - так должно было случиться.

Наука нас покинула, удрала за границу.

А все мы, кто жадно стремился к знаниям,

Оставшись одни, поневоле отстанем.

Теперь науки свет вам надо сберегать,

Употреблять на благо, не злоупотреблять.

Чтоб против вас он не восстал,

Чтобы огня внезапный шквал
И вас и нас бы не пожрал.

Небольшой итальянский пограничный городок на рассвете. У пограничного шлагбаума играют дети. Андреа и кучер ожидают, пока пограничная стража проверит документы. Андреа сидит на сундучке и читает рукопись Галилея. По

ту сторону шлагбаума видна дорожная карета.

Дети (поют).

Мария на камне сидела,

Сорочку цветную надела.

Сорочка от грязи замшелая.

Когда же зима наступила,

Мария все ту же сорочку носила

Сорочка грязна, зато целая.

Пограничник. Почему вы уезжаете из Италии?

Андреа. Я ученый.

Пограничник (писцу). Запиши: "Причина выезда: ученый". Ваш багаж я должен проверить. (Роется в вещах.)

Первый мальчик (к Андреа). Вам не стоило бы здесь сидеть. (Показывает на хижину, перед которой сел Андреа.) Там живет ведьма.

Второй мальчик. Старая Марина вовсе не ведьма.

Первый мальчик. Хочешь, чтобы я тебе руку вывернул?

Третий мальчик. Конечно же, она ведьма. Ночью она летает по воздуху.

Первый мальчик. А если она не ведьма, то почему ей никто в городе не даст и капли молока?

Второй мальчик. Как она может летать по воздуху? Этого никто не может. (К Андреа.) Разве можно летать?

Первый мальчик (показывая на второго). Это Джузеппе. Он совершенно ничего не знает, потому что не ходит в школу, у него нет целых штанов.

Пограничник. Что это за книга?

Андреа (не поднимая головы). Это книга великого философа Аристотеля.

Пограничник (недоверчиво). Это еще кто такой?

Андреа. Он давно умер.

Мальчики, поддразнивая Андреа, ходят, уставившись в свои ладони, как в

книги, словно читая на ходу.

Пограничник (писцу). Погляди, нет ли там чего-нибудь о религии.

Писец (перелистывая рукопись). Не могу ничего найти.

Пограничник. Да и нечего искать. Разве кто станет открыто выкладывать то, что хотел бы спрятать. (К Андреа.) Вы должны расписаться, что мы у вас все проверили.

Андреа нерешительно встает и, продолжая читать, уходит с пограничником

в дом.

Третий мальчик (показывая писцу на сундучок). Тут еще что-то есть, видите?

Писец. Разве этого раньше не было?

Третий мальчик. Это черт принес. Это чертов сундук.

Второй мальчик. Да нет, это сундук проезжающего.

Третий мальчик. Я бы туда не пошел. Она заколдовала лошадей у возчика Пасси. После метели я сам смотрел сквозь дырку в крыше и слышал, как они кашляли.

Писец (уже подошел к сундучку, но колеблется и возвращается). Чертовы штуки! Да мы ведь и не можем все проверять. До чего бы мы тогда дошли?

Возвращается Андреа с кувшином молока. Он садится опять на сундучок и

продолжает читать.

Пограничник (выходит вслед за ним с бумагами). Закрывай ящики. Итак, все проверено?

Писец. Все.

Второй мальчик (к Андреа). Ведь вы ученый? Скажите, разве можно летать по воздуху?

Андреа. Погоди немножко.

Пограничник. Можете проезжать.

Кучер взял вещи; Андреа поднимает сундучок и хочет идти.

Стой, а это еще что за сундук?

Андреа (снова погружаясь в рукопись). Это книги.

Первый мальчик. Это сундук ведьмы.

Пограничник. Чепуха. Как бы это сна могла наколдовать сундук?

Третий мальчик. Так ведь ей же черт помогает!

Пограничник (смеется). Ну здесь это не действует. (Писцу.)
Открой!

Сундук открывают.

(Невесело.) Сколько их там?

Андреа. Тридцать четыре.

Пограничник (писцу). Сколько тебе времени потребуется?

Писец (начал небрежно рыться в сундуке). Да они все уже напечатаны. Так вы позавтракать не успеете. И если я стану перелистывать каждую книгу, кто тогда сбегает к кучеру Пасси, чтобы получить долг по дорожному сбору, когда его дом продадут с молотка?

Пограничник. Да, деньги нужно обязательно получить. (Толкает ногой книги.) Э, да что там может быть такого! (Кучеру.) Езжай!

Андреа уходит с кучером, тот несет сундучок. Они переходят границу. Оказавшись на той стороне, он засовывает рукопись Галилея в дорожный мешок.

Третий мальчик (показывая на кувшин, который оставил Андреа).
Смотрите!

Первый мальчик. А сундук исчез! Вот видите, это все черт.

Андреа (оборачиваясь). Нет, это я. Учись смотреть открытыми глазами. За молоко заплачено и за кувшин тоже. Пусть все достанется старухе. Да, я еще не ответил на твой вопрос, Джузеппе. На палке нельзя летать по воздуху. Для этого к ней нужно было бы по меньшей мере приделать машину. Но такой машины пока не существует. Может быть, ее никогда и не будет, ведь человек слишком тяжел. Но, разумеется, этого знать нельзя. И мы вообще еще очень мало знаем, Джузеппе. У нас все впереди!

ПРЕДИСЛОВИЕ

{Перевод Л. Виндт.}

Всем известно, какое благотворное влияние может оказать на людей убеждение, что они стоят на пороге нового времени. Тогда им кажется, что окружающий мир еще далеко не закончен, способен на самые отрадные улучшения, полон неожиданных и ожидаемых возможностей, словом, что податливый сырой материал в их руках. Сами они чувствуют себя как утром: отдохнувшими, сильными, изобретательными. Прежняя вера называется суеверием, то, что еще

вчера представлялось бесспорным, изучается заново. Нами управляли, говорят люди, а теперь будем управлять мы.

Ни одна песенная строка не воодушевляла рабочих на рубеже столетий, как эта: "С нами время новое идет", - с нею шагали старые и молодые, самые бедные и изнуренные и те, кто уже отвоевал себе крупицу цивилизации; все они казались себе молодыми. При "фюрере" тоже была испробована огромная соблазнительная сила этих слов, ведь он тоже возвещал новую эру. Тогда-то и обнаружилась туманность и пустота этих слов. Их неопределенность, которую использовали теперь совратители масс, долгое время составляла их силу. Новое время - это было и есть нечто такое, что проникает всюду, ничего не оставляет неизменным, но чему еще предстоит развернуться во всей полноте; оно дает широкий простор для любой фантазии, а слишком определенные высказывания могут его только ограничить. Всех радует ощущение начала, первооткрывательство вдохновляет труд зачинателя. Всех радует счастье тех, кто смазывает новую машину, прежде чем она проявит свою мощь, и тех, кто заполняет белое пятно на старой карте, и тех, кто закладывает фундамент нового дома, своего дома.

Это чувство знакомо исследователю, делающему открытие, которое все перевернет, оратору, готовящему речь, которая создаст новую ситуацию. Ужасно бывает разочарование, когда люди обнаруживают или мнят, что обнаружили, что они стали жертвой иллюзии, что старое сильнее нового, что "факты" против них, а не за них, что их время, новое время, еще не пришло. Тогда дело обстоит не просто так же плохо, как прежде, а гораздо хуже, ибо ради своих планов они пожертвовали многим, чего теперь лишены; они дерзнули продвинуться вперед, а теперь на них нападают, старое им мстит. Ученый или изобретатель был человеком безвестным, но зато его никто и не преследовал, пока он не обнародовал свое открытие; теперь же, когда оно опровергнуто или заклеено, он превращается в обманщика и шарлатана, увы, слишком хорошо известного; угнетаемый и эксплуатируемый теперь, когда восстание подавлено, превращается в бунтовщика, который подвергается особенно жестокому притеснению и наказанию. За напряжением следует усталость, за, быть может, преувеличенной надеждой - быть может, преувеличенная безнадежность. Те, кто не впадает в тупое

безразличие, впадают в нечто худшее; те, кто не растратил энергию в борьбе за свои идеалы, теперь направляют ее против них же! Нет более неумолимого реакционера, чем новатор, потерпевший поражение; нет у диких слонов более жестокого врага, чем прирученный слон.

И тем не менее возможно, что этим разочарованным все же суждено жить в новое время, время великого переворота. Только они ничего о нем не знают.

В наше время фальсифицируется само понятие нового. Старое и древнее, появившись опять на повестке дня, провозглашает себя новым или его объявляют новым, когда оно подается по-новому. А подлинно новое, поскольку оно сегодня отвергнуто, объявляется вчерашним, мимолетной модой, время которой уже отошло. Новыми считают, например, методы ведения войны, а устарелым социальный строй, едва намеченный, никогда еще не осуществленный, при котором войны стали бы излишними. По-новому устанавливаются общественные классы, а мысль об уничтожении классов объявляется устарелой.

Но и в такие времена у людей не отнимают надежду. Ее только переключают. Прежде надеялись, что когда-нибудь можно будет досыта есть хлеб. Теперь позволительно надеяться, что когда-нибудь можно будет наестся камнями.

Среди мрака, быстро сгущающегося над горячечным миром, в кольце кровавых деяний и не менее кровавых мыслей, видя растущее варварство, которое, кажется, неудержимо ведет к, быть может, величайшей и страшнейшей из войн всех времен, - трудно вести себя так, как подобает людям, стоящим на пороге нового и счастливого времени. Разве не указывает все на приближение ночи и ничто - на зарю новой эры? И не следует ли вести себя так, как подобает людям, идущим навстречу ночи?

Что это за болтовня о "новом времени"? Разве не устарело само это выражение? Оно доносится к нам только в реве охрипших плоток. Сейчас именно варварство маскируется под новое время. Оно заявляет, что надеется продержаться тысячу лет.

Так не лучше ли держаться за старое время? Говорить об исчезнувшей Атлантиде?

Когда я на сон грядущий думаю об утре, уж не думаю ли я об утре прошедшем, чтобы не думать о завтрашнем? Не поэтому ли я занимаюсь эпохой расцвета искусств и наук - эпохой трехсотлетней давности? Надеюсь, что нет.

Сравнения с утром и ночью обманчивы. Счастливые времена приходят не так, как приходит утро после ночного сна.

НЕПРИКРАШЕННАЯ КАРТИНА НОВОЙ ЭРЫ (ПРЕДИСЛОВИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ)

Когда я в Дании в годы изгнания писал пьесу "Жизнь Галилея", мне помогли при реконструкции птолемеевской системы мироздания ассистенты Нильса Бора, работавшие над проблемой расщепления ядра. В мои намерения входило, между прочим, дать неприкрашенную картину новой эры - затея нелегкая, ибо все кругом были убеждены, что наше время ничуть на новую эру не похоже. Ничего не изменилось в этом отношении, когда спустя несколько лет я совместно с Чарлзом Лафтоном приступил к американской редакции этой пьесы. "Атомный век" дебютировал в Хиросиме в самый разгар нашей работы. И в тот же миг биография основателя новой физики зазвучала по-иному. Адская сила Большой Бомбы осветила конфликт Галилея с властями новым, ярким светом. Нам пришлось внести лишь немного изменений, причем ни одного в композицию пьесы. Уже в оригинале церковь была показана как светская власть, чья идеология в основе своей может быть заменена другой. С самого начала ключом к титанической фигуре Галилея служило его стремление к науке, связанной с народом. В течение столетий народ по всей Европе, сохранив легенду о Галилее, оказывал ему честь не верить в его отречение, хотя уже издавна осмеивал ученых как односторонних, непрактичных и евнухоподобных чудаков. (Само слово "ученый" имеет слегка комический оттенок; в нем есть что-то от пассива. В Баварии люди говорили о "нюрнбергской воронке", через которую людям несколько слабоумным более или менее насильственно вливают чрезмерные дозы знаний - нечто вроде мозговой клизмы. Мудрее они от этого не делались. Даже если кто-нибудь на учености собаку съел, на это смотрели как на нечто противоестественное. "Образованные" - а этому слову присущ тот же роковой оттенок пассивной формы - говорили о мести "необразованных", о врожденной ненависти к "духу"; и действительно, к пренебрежению

нередко примешивалась ненависть; в деревне и в пригородах к "духу" относились как к чему-то чуждому и даже враждебному. Но и среди "высших слоев" можно было встретить такое пренебрежение. - Существовал особый мир - "мир ученых". "Ученый" был бессильный, малокровный, чудаковатый субъект, "много о себе воображающий" и не слишком жизнеспособный.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ К АМЕРИКАНСКОЙ ПОСТАНОВКЕ.

Надо помнить, что наша постановка осуществилась как раз в то время и в той стране, где только что изготовили и использовали в военных целях атомную бомбу, после чего всю атомную физику окутали глубокой тайной. День, когда была сброшена бомба, вряд ли будет забыт теми, кто пережил его в Соединенных Штатах. Войной, стоившей Соединенным Штатам многих жертв, была именно война с Японией. Войска отправлялись с западного берега, и туда же возвращались раненые и заболевшие азиатскими болезнями. Когда до Лос-Анжелоса дошли первые газетные сообщения о сброшенной бомбе, люди поняли, что это означает конец грозной войны, возвращение сыновей и братьев. И, однако, глубокая скорбь охватила огромный город. Автор пьесы слышал сам, как кондукторы автобусов и рыночные торговки выражали один только ужас. То была победа, но то был и позор поражения. Потом началось засекречивание гигантского источника энергии военными и политическими деятелями, что сразу встревожило интеллигенцию. Свобода исследований, обмен открытиями, международная солидарность ученых - на все был наложен запрет учреждениями, внушавшими сильнейшее недоверие. Крупные физики бегством спасались от службы своему воинственному правительству; один из самых известных ученых взял место учителя, вынуждавшее его тратить свое рабочее время на обучение элементарнейшим основам, лишь бы не работать на военное ведомство. Научное открытие стало постыдным делом.

ХВАЛА ГАЛИЛЕЮ ИЛИ ОСУЖДЕНИЕ ЕГО?

Некоторые физики говорили мне, и притом весьма одобрительно, что отказ Галилея от своего учения, несмотря на некоторые "колебания", изображен в пьесе как вполне разумный шаг, поскольку он дал ему возможность продолжить свои научные труды и передать

их потомству. Если бы они были правы, это означало бы неудачу автора. В действительности же Галилей, обогатив астрономию и физику, в то же время лишил эти науки большой доли их общественного значения. Своей дискредитацией Библии и церкви они некоторое время стояли на баррикадах в борьбе за всякий прогресс. Правда, перелом все-таки совершился в течение последующих столетий и при их участии, но это был именно перелом, а не революция; скандал, так сказать, выродился в диспут между специалистами. Церковь, а с нею и все реакционные силы смогли отступить в полном порядке и более или менее удержать свою власть. Что касается самих этих наук, то они никогда уже не возвышались до своей тогдашней общественной роли, никогда уже не достигали такой близости к народу.

Преступление Галилея можно рассматривать как "первородный грех" современных естественных наук. Новой астрономией глубоко интересовался новый класс, буржуазия, ибо в астрономии находили подкрепление революционные социальные течения того времени; Галилей превратил ее в строго ограниченную специальную науку, которая именно благодаря своей "чистоте", то есть своему безразличию к способу производства, имела возможность развиваться более или менее беспрепятственно. Атомная бомба и как техническое и как общественное явление - конечный результат научных достижений и общественной несостоятельности Галилея.

По словам Вальтера Беньямина, герой пьесы - не Галилей, а народ. По-моему, это сказано слишком скупо. Я надеюсь, что из моей пьесы видно, как общество вымогает у отдельных личностей то, что ему от них нужно. Тяга к исследованиям - общественное явление, не менее прельстительное и деспотическое, чем инстинкт размножения - толкает Галилея на опасное поприще, втягивает его в мучительный конфликт с его собственной неукротимой жаждой удовольствий иного рода. Он поднимает подзорную трубу к звездам и обрекает себя на пытку. Под конец он предается своей науке как пороку, тайно и, вероятно, с угрызениями совести. При таком положении дел вряд ли можно настаивать на том, чтобы только восхвалять или только осуждать Галилея.

"ЖИЗНЬ ГАЛИЛЕЯ" - НЕ ТРАГЕДИЯ

Перед театрами неизбежно встанет вопрос, трактовать ли "Жизнь Галилея" как трагедию или как оптимистическую пьесу? Выбрать ли для основного тона галилеевское "приветствие новому времени" из первой сцены или некоторые моменты из четырнадцатой? По господствующим законам драматургии центр тяжести должен быть в конце пьесы. Но эта пьеса построена не по обычным правилам. В ней показано начало новой эры и сделана попытка пересмотреть некоторые предрассудки относительно начала всякой новой эры.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЦЕРКВИ

Театрам очень важно знать, что, если постановка этой пьесы будет направлена главным образом против католической церкви, сила ее воздействия будет в значительной мере утрачена. Многие из действующих лиц носят церковное одеяние. Актеры, которые пожелали бы вызвать к ним ненависть своей игрой, поступили бы неправильно. - С другой стороны, церковь, конечно, не имеет права претендовать на то, чтобы человеческие слабости священников приукрашивались. Слишком часто потворствовала церковь этим слабостям, не допуская их разоблачения. Однако цель пьесы и не в том, чтобы заявить церкви: "Руки прочь от науки!" Современная наука - законная дочь церкви, она эмансипировалась и восстала против своей матери.

В данной пьесе церковь, даже там, где она выступает против свободы науки, действует просто как верховная власть. Поскольку наука была отраслью теологии, церковь является ее духовной властью, последней научной инстанцией. Но она же и светская власть, последняя политическая инстанция. В пьесе показана временная победа власти, а не духовенства. То обстоятельство, что Галилей нигде в пьесе прямо не высказывается против церкви, вполне соответствует исторической правде. У Галилея нет ни одного слова, которое можно бы истолковать таким образом. Если бы и было, то такой основательный сыскной орган, как инквизиция, несомненно извлек бы его на свет божий. Исторической правде соответствует и то, что величайший астроном папской римской коллегии Кристофер Клавиус подтвердил открытия Галилея (сцена VI). Правда и то, что в числе его учеников были духовные лица (сцены VIII, IX и XIII).

Мне кажется, правильно будет взять на мушку и сатирически показать светские интересы высокопоставленных сановников церкви

(это возможно в сцене VII). Но небрежное их обращение с ученым должно иметь только одно объяснение: на основании своего богатого опыта они полагают, что можно рассчитывать на беспрекословную сговорчивость и со стороны Галилея. Они не ошиблись.

По сравнению с нашими буржуазными политиками духовные (и научные) интересы этих тогдашних политиков, право, заслуживают похвалы.

Поэтому в пьесе не приняты во внимание те фальсификации, внесенные трибуналом инквизиции 1633 года в протокол 1616 года, которые были вскрыты в результате новейших исторических исследований, проводившихся под руководством немецкого ученого Эмиля Вольвиля. Эти подделки и сделали приговор 1633 года юридически возможным. Тому, кто понял вышеизложенную точку зрения, должно быть ясно, что автора не интересовала юридическая сторона процесса.

Нет никакого сомнения, что папа Урбан VIII был враждебно настроен против Галилея и что под влиянием ненависти он смотрел на процесс как на свое личное дело. Пьеса оставляет это без внимания.

Тому, кто понял точку зрения автора, должно быть ясно, что такая позиция не означает расшаркивания перед церковью XVII, а тем менее XX века.

В этом театрализованном процессе против притеснения борцов за свободу науки показ церкви как верховной власти никоим образом не служит ее оправданию. Но именно в наши дни было бы в высшей степени рискованно ставить на борьбу Галилея за свободу науки печать борьбы против религии. Это самым нежелательным образом отвлекло бы внимание от нынешней отнюдь не церковной реакционной власти.

ГАЛИЛЕЙ В ИСПОЛНЕНИИ ЛАФТОНА

Чтобы показать, насколько Галилей опередил свое время, Лафтон подчеркивал, что он смотрит на окружающий мир точно чужой, смотрит как на нечто, требующее объяснения. Усмешка, с какой он наблюдал за монахами в римской коллегии, превращала их в ископаемых. Впрочем, он не скрывал, что их примитивная аргументация доставляет ему удовольствие.

Были возражения против того, что Лафтон, произнося в первой сцене речь о новой астрономии, обнажен до пояса: публику якобы могли смутить столь одухотворенные высказывания из уст полуголого человека. Но Лафтона интересовало именно это сочетание телесного с духовным. Удовольствие, которое испытывает Галилей от того, что мальчик трет ему спину, обращалось в духовную деятельность. И в сцене девятой Лафтон подчеркнул, что Галилей снова смакует вино, услышав о смертельной болезни папы-реакционера. Его манера расхаживать взад и вперед с довольным видом, не вынимая рук из карманов, при обдумывании новых исследований граничила с непристойностью. Изображая Галилея в творческие минуты, Лафтон всегда подчеркивал своей игрой противоречивое сочетание агрессивности с беззащитной мягкостью и уязвимостью.

Примечания

1. Декорации на сцене не должны создавать у зрителей иллюзию, будто они находятся в комнате средневековой Италии или в Ватикане. Пусть публика все время помнит, что она в театре.

2. Задний план должен показывать больше, чем непосредственное окружение Галилея; создаваемая таким образом историческая обстановка должна быть сделана изобретательно и артистично. При этом задний план должен оставаться только фоном. (Это достигается, например, следующими средствами: декорация сама не блещет яркими красками, а оттеняет костюмы актеров или усиливает пластичность фигур, сама оставаясь плоскостной - даже если она содержит элементы пластичности, и т. д.)

3. Мебель и реквизит должны быть реалистичными (включая двери) и, что важнее всего, должны обладать социально-историческими приметами. Костюмы должны быть индивидуализированы и не казаться новыми. Социальные различия следует подчеркивать, поскольку в очень старинных модах нам трудно их разглядеть. Краски следует подбирать так, чтобы все костюмы составляли одно гармоничное целое.

4. Мизансцены должны напоминать исторические картины (но не для того, чтобы историчность выступала как эстетическая приманка; это относится и к современным пьесам). Режиссура достигает этого, придумывая для отдельных эпизодов исторические заголовки. (Примеры для первой сцены: "Физик Галилей объясняет новую

систему Коперника своему будущему сотруднику Андреа Сартти и предсказывает великое историческое значение астрономии". "Чтобы заработать деньги на пропитание, великий Галилей дает уроки богатым ученикам". "В ответ на просьбу Галилея о предоставлении ему средств для продолжения своих исследований университетские власти предлагают ему изобретать инструменты, которые могли бы принести выгоду". "Галилей строит свою первую подзорную трубу по указаниям одного путешественника".)

5. Эпизоды должны разыгрываться спокойно, на широком дыханье. Следует избегать частых перемен мизансцены, сопровождаемых маловыразительными движениями актеров. - Режиссеру ни на минуту нельзя забывать, что многие эпизоды и речи затруднительны для понимания, так что основной смысл происходящего следует выражать уже самой расстановкой действующих лиц. Публика должна знать, что любой переход, движение или жест имеют определенное значение и требуют внимания. В то же время мизансцены должны оставаться вполне естественными и реалистичными.

6. К распределению ролей церковных сановников надо подходить особенно реалистично. В намерения автора не входит дать карикатуру на церковь, но в то же время изысканная речь и "просвещенность" князей церкви XVII века не должны вводить режиссуру в искушение подыскивать для них чересчур одухотворенный типаж. В этой пьесе церковь представляет главным образом верховную власть; внешне церковные сановники должны походить на наших банкиров и сенаторов.

7. Изображение Галилея не надо направлять на то, чтобы настроить зрителей на сочувственное "вживание" в образ; напротив, им надо облегчить возможность изумленного, критического и оценивающего отношения. Галилея следует изображать как некий феномен, вроде, например, Ричарда III, причем эмоциональное одобрение публики достигается полнокровностью этого чуждого явления.

8. Чем серьезнее трактуется в постановке история, тем щедрее можно пользоваться юмором; чем величественнее оформление, тем камернее могут быть разыграны сцены.

9. Сама по себе "Жизнь Галилея" может быть поставлена без существенной перестройки современного театрального стиля, вроде исторического боевика с одной заглавной ролью. Однако традиционная постановка (которая могла бы и не осознаваться постановщиками как традиционная, особенно если бы в ней были оригинальные находки) существенно ослабила бы внутреннюю силу пьесы и в то же время не открыла бы публике "более легкого доступа" к ней. Самые главные средства воздействия этой пьесы потерпят неудачу, если театр не пойдет на соответствующую перестройку. К возражению "здесь это не годится" автор уже привык: он слышал его и на родине. Большинство режиссеров ведет себя по отношению к подобным пьесам так же, как мог бы себя вести кучер по отношению к автомобилю в пору его изобретения: взявшись вести машину и не слушая практических указаний, он впряг бы в нее лошадей и не пару, разумеется, а больше - ведь новый экипаж тяжелее кареты. Если бы такому кучеру указать на мотор, он ответил бы точно так же: "Здесь это не годится".

КОММЕНТАРИИ

Переводы пьес сделаны по изданию: Bertolt Brecht, Stucke, Bande I-XII, Berlin, Auibau-Verlag, 1955-1959.

Статьи и стихи о театре даются в основном по изданию: Bertolt Brecht. Schriften zum Theater, Berlin u. Frankfurt a/M, Suhrkamp Verlag, 1957.

ЖИЗНЬ ГАЛИЛЕЯ (Leben des Galilei)

Пьеса написана в 1938-1939 гг., напечатана на стеклографе в театрально-прокатных целях в 1946 г., издана в 1955 г. На русский язык пьеса была переведена Л. Копелевым в 1957 г.

Немецкое издание сопровождалось заметкой: "Пьеса "Жизнь Галилея" была написана в эмиграции, в Дании, в 1938-1939 гг. Газеты опубликовали сообщение о расщеплении атома урана, произведенном немецкими физиками". В этой заметке содержался намек на связь идейного замысла пьесы с определенными событиями в области атомной физики. Однако эта связь не в равной степени и не в одинаковом направлении находила свое выражение в пьесе на разных этапах работы автора над ней. В этом смысле важно различать две редакции пьесы.

Первая редакция (датская) относилась к 1938-1939 гг. Она получила известное распространение, будучи размножена на стеклографе в театральном-прокатных целях издательством Зуркампа. Вторая редакция (американская) относилась к 1945-1946 гг. Она возникла в ходе совместной работы Брехта с американским актером Чарлзом Лафтоном, впоследствии исполнителем роли Галилея: они переводили пьесу на английский язык, тщательно ее обсуждали, причем Брехт вносил существенные изменения в текст. Эта, значительно отличная от первой редакция лежит в основе всех немецких изданий и принята также в нашем издании.

В первой редакции Галилей в известной мере является носителем положительного примера. Изображая его, Брехт имел в виду ту сложную и подчас хитроумную тактику, к которой приходится прибегать борцам-подпольщикам (в частности, антифашистам в Третьей империи) для того, чтобы донести слово правды до народа: приходится маскироваться, таиться, показной лояльностью и законопослушанием вводить власти предрешающие в заблуждение. Эта подразумеваемая, подспудная параллель проливали совсем иной свет на поведение Галилея: его отречение было не позорной капитуляцией, а лишь искусным маневром. Усыпив бдительность инквизиции, Галилей тайно продолжал свои научные исследования в прежнем направлении и пересылал через специального курьера-подпольщика свои рукописи заграничным издателям.

Во второй редакции Брехт удалил все реплики, ремарки, даже целые эпизоды и сцены и некоторых персонажей - все, что могло бы располагать к положительному истолкованию поведения Галилея. Одновременно Брехт создал новые образы (например, Федерцони или Ванни) и ввел некоторые существенные моменты (особенно в XIV картине), подчеркивающие общественное и нравственное банкротство Галилея. Исторические предпосылки столь резкого отличия второй редакции от первой очевидны: в 1945-1946 гг. вопрос о тактике антифашистов-подпольщиков уже не был столь актуален, а атомный взрыв над Хиросимой властно продиктовал Брехту другие проблемы. "Атомная бомба и как техническое и как общественное явление - конечный результат научных достижений и общественной несостоятельности Галилея", - писал Брехт. Подспудная параллель второй редакции - уже иная: судьба Галилея связывается Брехтом с

предательством современных физиков-атомщиков по отношению к человечеству.

Некоторые исследователи пишут об еще одной, третьей (берлинской) редакции, имея в виду текст спектакля театра "Берлинский ансамбль" (1957). Действительно, незадолго до смерти, репетируя и готовя постановку "Жизни Галилея", Брехт произвел в тексте некоторые купюры, ничего, однако, не дописывая. Такие режиссерские купюры - явление обычное и не дают оснований рассматривать текст спектакля как новую литературную редакцию пьесы. Произведенные Брехтом купюры лишь еще более усилили тенденцию второй редакции. В частности, Брехт снял целиком картину V (Чума) и картину XV (Андреа провозит рукопись Галилея через границу). Он, видимо, исходил из того, что картина V подымала героя на высоту такой самоотверженной, не знающей страха смерти преданности науке, которая вступает в противоречие с его последующим поведением. Картина же XV могла создать у зрителя впечатление, что отречение Галилея все же в итоге оказалось актом разумным, совершенным в интересах науки.

"Жизнь Галилея" - одно из самых значительных произведений Брехта, одна из главных опор современного мирового репертуара, хотя постановка этой пьесы по плечу лишь крупным театрам, располагающим яркими актерскими индивидуальностями и многочисленной труппой.

Первое представление пьесы состоялось в Цюрихе 9 сентября 1943 г. В роли Галилея выступал Леонард Штеккель.

10 декабря 1947 г. состоялась премьера в Нью-Йорке в экспериментальном театре Американской национальной театральной академии. Роль Галилея исполнял всемирно известный актер Чарлз Лафтон. Художник - Роберт Дэвисон, композитор - Ганс Эйслер. Премьера проходила в отсутствие Брехта, который в это время был уже на пути в Европу, но до того, в течение 1945-1947 гг., Брехт месяцами работал совместно с Лафтоном над переводом пьесы, ее переработкой, толкованием мельчайших фабульных положений, режиссерским планом постановки. Таким образом, спектакль в общем отвечал принципам и идеям Брехта. Последний высоко ценил работу Лафтона и оставил подробнейшее кадр за кадром - описание роли, снабженное в немецком издании пятьюдесятью фотографиями.

"Описанием лафтоновского Галилео Галилея. - замечал Брехт, драматург пытается не столько на какое-то еще время продлить жизнь такому быстро преходящему явлению искусства, как творчество актера, сколько, скорее, воздать должное тем усилиям, которые великий актер оказался в состоянии употребить ради столь быстро преходящего явления искусства. Ныне это уже не принято" (В. Brecht, Aufbau einer Roll, Berlin, 1956. S. 6).

В мае 1955 г. - постановка в Кельне. Режиссер - Фридрих Зиме, художник - Макс Фрицше. В ролях: Галилей - Каспар Брюннингхауз, папа Ромуальд Пекны, кардинал-инквизитор - Ворнер Хессепланд, Андреа - Курт Бек, и другие. Спектакль прошел с большим успехом и вызвал широкий резонанс в ФРГ. С 1955 по 1962 г., несмотря на неоднократные попытки реакционных кругов организовать бойкот драматургии Брехта, пьеса была поставлена в десяти западногерманских театрах, в том числе в Нюрнберге, Штутгарте, Мюнхене, Франкфурте-на-Майне и др.

15 января 1957 г. состоялась премьера в театре "Берлинский ансамбль". Спектакль ставил Брехт, но смерть застигла его в разгаре работы. Постановку довел до конца и выпустил друг Брехта, режиссер Эрих Энгель. Художник Каспар Неер, музыка Ганса Эйслера. В ролях: Галилей - Эрнст Буш, Вирджиния Регина Лютц, Сарти - Ангелика Хурвиц, папа - Эрнст Отто Фурман, кардинал-инквизитор - Норберт Кристиан, и другие. Исполнение роли Галилея Бушем было описано Гансом Эйслером (подобно тому как Брехт описал лафтоновского Галилея). Спектакль "Берлинского ансамбля" имел огромный успех и приобрел всемирную известность. Театр выезжал с ним на гастроли в Москву, Ленинград, Варшаву, Париж, Лондон, в ФРГ и т. д. (Подробное описание спектакля см.: И. Фрадкин, Литература новой Германии, М., 1961, стр. 331-343.) Вслед за "Берлинским ансамблем" пьесу поставили еще семь театров ГДР, в том числе в Дрездене, Эрфурте, Лейпциге и др.

Пьеса ставится во всем мире. В Англии ее поставили пять театров, в том числе в Лондоне - Королевская академия драматического искусства. Во Франции - три театра во главе с ТНП (режиссер и исполнитель роли Галилея Жорж Вильсон). В Польше - семь театров: в Варшаве, Лодзи, Кракове, Гданске и др. Ряд

постановок состоялся в Швеции, Италии, Чехословакии и т. д. В 1960 г. пьесу транслировало ленинградское радио.

Стр. 336. Пожалуй, назову их звездами Медичи в честь великого герцога Флоренции, - Здесь и в дальнейшем речь идет о Козимо Медичи, который в действительности жил гораздо раньше: когда он умер, Галилею было только десять лет. Подобные анахронизмы Брехт допускал сознательно, тем самым как бы подчеркивая, что он заботится не о воспроизведении с педантической точностью определенных картин исторического прошлого, а о создании обобщенных образов, по своему значению выходящих за узкие рамки изображаемого исторического момента.

Стр. 354. Великий Клавиус - божий раб - признал, что Галилей был прав. - Снова анахронизм: Кристофер Клавиус умер в 1612 г., то есть за четыре года до изображаемых здесь событий.

Стр. 370. ...престол святого Петра - то есть папский престол.

Стр. 384. "Оставь надежду всяк сюда входящий" - такова, как рассказывается в поэме Данте "Божественная комедия", надпись у входа в ад.

Стр. 394. Вот уже полтора десятка лет, как вся Германия превращена в бойню, люди убивают друг друга с цитатами из Библии на устах. - Имеется в виду Тридцатилетняя война, в идеологическом обосновании которой видное место занимала религиозная рознь между католиками и протестантами.

Стр. 401. "Discorsi" - книга Галилея "Беседы", подводившая итоги его исследованиям в области физики, изданная в 1638 г. в Голландии. Ее более полное название: "Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки..."

И. Фрадкин